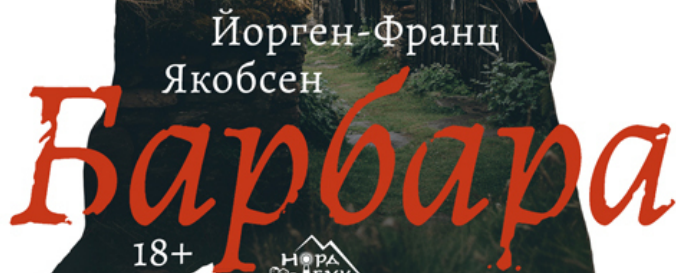

скандинавская линия

Йорген-Франц
Якобсен

Барбара

18+

Йорген-Франц Якобсен
Барбара
Серия «Скандинавская
линия «НордБук»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74536846

Барбара:

ISBN 978-5-908133-11-1

Аннотация

Роман «Барбара» Йоргена-Франца Якобсена – одно из самых известных произведений фарерской литературы XX века. Действие происходит во второй половине XVIII века в Торсхавне, куда приезжает по долгу службы молодой датский пастор Поуль Агтерсё и встречается с ветреной красавицей Барбарой, отношения с которой становятся для него трагическим испытанием. Важное место в романе занимает исторический контекст: колоритные образы представителей разных сословий, описания старинного фарерского быта и традиций.

В данное издание входит предисловие филолога-скандинависта, специалиста по фарерской литературе и переводчика Ольги Маркеловой, а также фарерская народная легенда о злой Байнте.

По книге был снят одноименный фильм (режиссер Нильс Мальмрос, 1997), имевший большой успех на родине и получивший международное признание.

Йорген-Франц Якобсен (1900–1938) – фарерский писатель, публицист, журналист. Его главным произведением стал роман «Барбара», в основу которого легла переосмысленная автором народная легенда о Байнте, своим злобным нравом погубившей троих датских пасторов, за которых поочередно она выходила замуж. Роман был опубликован в 1939 году, после преждевременной смерти писателя.

Содержание

Предисловие	6
«Фортуна»	20
Вдова предшественника	45
Радость в кредит	67
Прощай, о земля!	89
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Йорген-Франц Якобсен Барбара

© Ольга Маркелова, перевод с датского и фарерского,
предисловие, 2026

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление,
2026

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (<https://gorodets.ru/>)

Предисловие

Роман «Барбара» (1939) Йоргена-Франца Якобсена – одно из наиболее ярких явлений в литературе Фарерских островов XX века.

Роман написан по-датски. Его действие происходит в Торсхавне, столице Фарерских островов, в середине XVIII века, в нем описаны взаимоотношения персонажей разных социальных и национальностей, фарерского простонародья и датских чиновников.

Для лучшего понимания этого произведения, обстоятельств его создания и его места в литературе нелишне вспомнить специфику взаимоотношений Фарерских островов и Дании в политической и культурной сфере.

В наши дни Фарерские острова являются автономией Королевства Дания, а в первой половине XX века имели статус амта – хотя и имевшего необычно большой размер и географически весьма удаленного. Фарерский и датский языки, оба являясь скандинавскими, все же не близкородственны (датский относится к восточной ветви скандинавских языков, фарерский – к западной), а датская и фарерская культуры отличаются настолько, насколько отличается жизнь на равнинах близ Северного и Балтийского морей и на скалистых островах среди Северной Атлантики. Фарерские острова отошли Королевству Дания в XIV веке вместе с Нор-

вегией, а после провозглашения Норвегией независимости в 1814 году так и остались в составе датского государства. (Примерно такая же судьба была у Гренландии). Фарерский язык был бесписьменным до конца XIX столетия, лишь в последние его десятилетия небольшие группы фарерских интеллигентов стали разрабатывать правила орфографии для фарерского языка и создавать на этом языке художественные, научные, просветительские и публицистические тексты¹. До 1930-х годов датский язык был на Фарерах единственным языком церкви, образования, сферы управления, и многие явления датской культуры и быта за несколько веков датского господства пустили на островах корни.

В 1920–1930-е годы вопрос о взаимоотношениях Фарерских островов и Дании был наиболее животрепещущим для фарерской интеллигенции. Фарерский литературный язык, художественная проза и поэзия на нем в ту эпоху, в строгом смысле, еще переживали фазу становления. В молодую литературу островов в те десятилетия вошло поколение писателей, родившихся около 1900 года, – так называемое «великое поколение». Основоположники фарерской литературы были их старшими современниками. Большинство представителей «великого поколения» в своем творчестве использовали (и развивали) родной фарерский язык. Но среди этой

¹ Более подробно этот вопрос освещен в книге: О. А. Маркелова. Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания. Пушкино, 2006 (*здесь и далее прим. переводчика*).

плеяды выделяются два писателя, избравших языком своих произведений датский: Вильям Хайнесен (1900–1991) и его родственник и друг Йорген-Франц Якобсен (1900–1938). Тематика их книг, при всем том, по большей части фарерская, а в датском языке их произведений присутствуют фарерские черты. На закономерный вопрос, принадлежат ли эти писатели фарерской или датской литературе, наиболее логичный ответ будет: обеим. Благодаря их прозе произошло знакомство датских читателей с культурой Фарерских островов «из первых уст», а голос фарерских писателей был услышан в «большом мире», выход в который для них в XX веке был возможен в первую очередь через Данию и датский язык. Можно вспомнить, что сам Й.-Ф. Якобсен, отвечая на вопрос о том, какой культуре он принадлежит, назвал себя «национальным гермафродитом».

Йорген-Франц Якобсен вырос в творческой богемной обстановке, рано начал сочинять стихи и пьесы, но в юности не считал художественное творчество главным делом своей жизни, а собирался стать историком и политиком. Он поступил в гимназию в Дании, носившую название Академия Сорё, а затем в Копенгагенский университет, но в 1922 году заболел туберкулезом. Несмотря на это он все же не оставил активной деятельности: завершил обучение в университете, стал профессиональным журналистом, начал уделять внимание политике, особенно датско-фарерским взаимоотношениям, в частности, крайне актуальному в 1920–1930-е

годы вопросу о статусе Фарерских островов в Королевстве Дания, написал две книги и множество статей о Фарерах. В периоды, когда болезнь отпускала его, он ездил по Европе в качестве скандинавского корреспондента одной из ведущих датских газет – «Политикен». Когда Йорген-Франц не мог заниматься активной деятельностью из-за болезни, он посвящал время художественному творчеству. Сохранились наброски больших исторических романов, которые он писал в 1920-е годы. Работа над романом «Барбара» велась в периоды лечения в туберкулезном санатории в г. Вайле в Дании. Сам Йорген-Франц подробно описал историю создания романа в письмах друзьям. По свидетельству В. Хайнесена, Якобсен сперва хотел назвать свое произведение «Far verden far vel» (Прости, о мир!), по первой строке цитируемого в романе псалма Томаса Кинго, в котором речь идет об оставлении суетного мира ради царствия небесного; это связано с тем, что сам роман – последнее «прости» умирающего писателя миру. Впоследствии автор отверг такое заглавие, посчитав слишком сентиментальным.

В основу романа положена легенда о пасторше Байнте Кристине Броберг, бытовавшая на Фарерах в устной традиции, записанная и изданная фарерским фольклористом Я. Якобсеном на рубеже XIX и XX веков в составленном им сборнике народных легенд и сказок (в нашем издании текст легенды помещен в приложении). Все персонажи этой легенды были реальными людьми и жили в первой по-

ловине XVIII века. Главная героиня носит прозвище Злая Байнта (Illa-Beinta); по преданию, она три раза выходила замуж за пасторов, прибывавших из Дании в приход острова Вовар, и каждый раз ее злобный нрав приводил очередного мужа к гибели; также в легенде говорится, что Байнта с успехом применяла против мужей и челяди черное колдовство. Большая часть легенды посвящена жизни Байнты с последним мужем – пастором Педером Арребё. В записанном Якобом Якобсеном тексте приводится любовное стихотворение на датском языке, якобы сочиненное историческим Педером Арребё в честь Байнты.

Еще до Й.-Ф. Якобсена эта легенда привлекала деятелей молодой фарерской литературы. В 1893 году пастор Эмиль Брун издал на датском языке небольшую (и не очень удачную в художественном отношении) повесть «*Herr Peder Arrheboe*» («Г-н Педер Арребё»), представляющую пересказ этой легенды². В 1927 году вышел в свет роман «Байнта», принадлежащий перу Хануса Андриаса Джурхуса (1883–1951) – одного из авторов, стоявших у истоков фарерской национальной литературы, четвертый по счету роман на фарерском языке. В этом романе героиня также изображена как Злая

² После выхода этой повести в свет в защиту героини выступил современник Э. Бруна купец Ханс Никлай Никлассен: он слышал от прабабушки, бывшей служанкой в пасторском доме, воспоминания об исторической Байнте. По ее свидетельству, пасторша, напротив, была женщиной доброй и отзывчивой, а дурная слава о ней пошла в основном из-за того, что она пережила двух своих мужей; также повод к кривотолкам давали ее красота и умение наряжаться.

Байнта, но ее скверный нрав получает у Х. А. Джюрхуса психологическую мотивировку: в юности она пережила несчастную любовь и с тех пор неспособна полюбить, – другими словами, несимпатичная героиня народной легенды в этом романе подвергается реабилитации. Оба этих романа были, без сомнения, известны Й.-Ф. Якобсену, однако его собственное произведение отличается от них – и отнюдь не только именами главных персонажей, но прежде всего сущностью.

Заглавная героиня «Барбары» появилась не только благодаря историческим и литературным источникам, но также и живому прототипу: возлюбленной автора, датчанке с фарерскими корнями по имени Эстрид Ресторфф. Впервые Якобсен встретил ее, когда она приехала на Фареры летом 1921 года. В следующем году Эстрид вышла замуж за английского торговца по имени Дон Баннистер, через несколько лет развелась и вернулась в Данию. В ответ на признание Йоргена-Франца в нежных чувствах она предложила ему только дружбу, но в дальнейшем помогала обуустраивать квартиру в Дании и навещала его в туберкулезном санатории. В 1934 году Йорген-Франц начал писать роман. Сам он в своих письмах В. Хайнесену объяснял это таким образом: «Моя цель как художника – перенести живого человека Эстрид в XVIII век на Фареры. <...> Сюжет взят из легенды о Байнте, но это не значит, что я пытаюсь воссоздать реально бывшие события или историческую Байнту»³.

³ Письмо от 3 янв. 1935 г., цит. по: Isaksen, Jógvan. Á verðin, verðin! Skaldsøgan

Написанные главы романа он посылал на прочтение друзьям. В 1937 году он заявил, что больше не может писать: то ли из-за болезни, то ли из-за того, что охладел к своей возлюбленной и к самому тексту. Роман остался незаконченным из-за преждевременной смерти автора. Вильям Хайнесен собрал части рукописи, отданные на прочтение разным людям, воедино, ликвидировал самые существенные лакуны в тексте и попытался издать его. Первоначально рукопись была отвергнута тогдашним редактором крупного датского издательства «Gyldendal» поэтом Полем ля Куром на основании того, что роман во всем следует традиционным схемам, и в его сюжете и стиле нет ничего новаторского, и к тому же он не закончен. В. Хайнесена попросили добавить к роману финал, однако он не стал этого делать. Также выдвигалось предложение поручить переписать роман заново другому писателю. Впоследствии Вильям Хайнесен вспоминал: «Из этого – слава тебе, Господи! – к счастью, ничего не вышло»⁴. Однако вскоре роман все же вышел в свет и быстро завоевал читательские симпатии.

Классификаций исторических романов существует множество, единого однозначного определения жанра «исторический роман», кажется, вовсе нет, – впрочем, все так или иначе согласны, что «историческим» можно назвать роман,

«Barbara» eftir Jørgen-Franz Jakobsen. Mentunargrunnur Studentafelagsins, 1998, s. 27.

⁴ Цит. по: Bjarne Nielsen Brovst. Det muntre Nord. Centrum, 1987, s. 20.

действие которого происходит в некую минувшую эпоху. В таком случае «Барбара» – исторический роман «с двойным дном»: в нем автор переносит в XVIII век свою современницу. В приводившемся ранее письме В. Хайнесену Й.-Ф. Якобсен говорит, что создать достоверное описание эпохи и исторических лиц не входило в его задачи. То есть в какой-то мере этот исторический роман – отчасти завуалированный автобиографический, как, например, «Огненный ангел» В. Брюсова. При этом то обстоятельство, что героиня получает именно имя Барбара (а не становится, например, тезкой возлюбленной Й.-Ф. Якобсена), символично: она – часть «варварской» «неприрученной» природы, с которой приходится иметь дело представителям «цивилизованного» мира в романе.

Во время действия романа, в XVIII веке, весь аппарат управления на островах был датским. В экономической сфере доминировала Королевская Торговая Монополия, налагавшая суровые запреты для местного населения на торговлю с кем-либо, кроме датских судов; такая мера позиционировалась властями как средство экономической защиты для жителей островов, но на деле позволяла торговцам, в отсутствие конкуренции, сбывать туда товары сомнительного качества. (Упразднена в 1856 году как отживший свое анахронизм.) Датский язык в ту эпоху был единственным языком администрации и церкви, а фарерский существовал в основном в устном бытовании.

Й.-Ф. Якобсен не следует точно сюжету легенды, положенной в основу его произведения. Героев, чьи исторические прототипы жили в начале XVIII века, он помещает в его вторую половину. Фарерский литературовед и писатель Егван Исаксен определяет время действия романа как 60-е годы XVIII века на основе косвенных показателей: в романе упоминаются мыслители французского Просвещения – Ларошфуко и Вольтер, комедии Людвиг Хольберга, Семилетняя война в Америке (1756–1763), с которой возвращаются приставшие в Торсхавн французские корабли, много внимания уделяется такому религиозному течению, как пиетизм, как раз зародившемуся в то время⁵. По его мнению, такой хронологический сдвиг потребовался Й.-Ф. Якобсену, чтобы создать оппозицию датско-немецкого пиетизма и французского рационализма – образа мышления, который был идеалом для Якобсена, считавшего себя реалистом. Персонажи «Барбары» пытаются строить свою жизнь в соответствии с требованиями того или иного течения, с тем или иным успехом, некоторые из них ведут философские беседы. Справедливости ради надо сказать, что у части персонажей мысли все же ограничиваются сугубо будничными вещами.

События в романе обычно описываются с точки зрения тех или иных персонажей; читатель видит жизнь фарерско-

⁵ Omkring Barbara: en antologi. Fisker & Schou, 1997, s. 38–39; Jógvan Isaksen. Treð dans fyrri steini: bókmentagreinir. Mentunargrunnur Studentafelagsins, 1995, s. 146.

го социума сквозь призму их переживаний. Чаще всего речь идет о точке зрения Поуля Аггерсё. Несмотря на то что Барбара является заглавным персонажем романа, ее точка зрения представлена редко. Сознание героини остается загадкой не только для ее окружения, но даже и для всеведущего рассказчика.

За тем датским языком, на котором написана «Барбара», явственно ощущается другой язык⁶. В тексте романа часты отсылки к фарерской устной традиции, в том числе песенной. В нем активно задействован фарерский языковой материал: фарерские слова для обозначения специфических местных реалий, буквальный перевод на датский язык фарерских пословиц. Фарерская культура приняла в себя датский язык на определенном этапе, и он долго оставался языком церкви, госаппарата, даже системы образования. Произношение фарерцев при этом отличалось от стандартного датского. Датский язык фарерцев, с чертами фарерской грамматики и произношения, в литературе известен под названием «*gøtudanskt*» (от названия населенного пункта *Gøta*), и

⁶ В оригинале романа фарерские топонимы даны в их датском варианте. Переводчик в конечном счете остановился на фарерских вариантах топонимов (например, *Eysturoy*, *Mikines*, *Oyrareingir* и *Jansagerði* вместо данизированных *Østerø*, *Myggenæs*, *Ørenge* и *Jansegærde*), так как данизированные названия, не фиксирующиеся на современных географических картах, в русском тексте о Фарерских островах привнесли бы дополнительную путаницу. Названия фарерских реалий, появляющиеся в тексте романа в датской огласовке, также передаются в русском тексте в виде, приближенном к их звучанию по-фарерски.

его примеры есть в «Барбаре» в речи персонажей⁷. Другими словами, тот датский язык, на котором написан роман, говорит его фарерским читателям больше, чем датчанам.

Стилизация языка XVIII века в «Барбаре» не «концентрированная» (в отличие от другого датско-фарерского исторического романа о Торсхавне – произведения Вильяма Хайнесена «Добрая надежда» (1964), где датский язык XVII века воссоздан со всей скрупулезностью).

Переводчик счел уместным подчеркнуть фарерский языковой и культурный пласт, стоящий за датским текстом, поэтому в русский язык перевода привнесен ряд экзотизмов фарерского происхождения для усиления местного колорита.

Также хочется отметить безыскусность синтаксиса в романе, которая заставляет вспомнить, в частности, стилистику саг и фольклорной прозы североатлантических народов.

Одним из лейтмотивов романа является псалом об усталости от мирской тщеты и суеты, принадлежащий перу датского поэта Томаса Кинго. Хотя церковь и традиция пения псалмов в Дании и на Фарерах были одни и те же, в фарерской культуре псалмы Кинго значат гораздо больше, чем в Дании. Для датчан это в первую очередь тексты эпохи ба-

⁷ Например, в одной из финальных глав романа гребцы в лодке, попавшей в шторм, говорят о ветре: «Den lakker», от фарерского глагола «lækka» – «менять направление на более южное», и эта фраза непонятна пастору-датчанину. В русском переводе в этом месте для создания соответствующего эффекта использовано слово из поморских диалектов Архангельской области.

рокко, известные по книгам, а для фарерцев – и по сей день часть живой народной культуры. Псалмы Кинго на Фарерах очень долго держались в устной традиции и пелись в быту на те мелодии, которые в Дании уже давно вышли из употребления. В наше время эти псалмы могут включать в свой репертуар фарерские певцы самых различных направлений, в том числе всемирно известная Айвёр Палсдоттир.

Хотя в «Барбаре» есть языковые и культурные нюансы, полностью понятные лишь носителю фарерской культуры, с другой стороны, в этой книге можно встретить и подробное объяснение того, что заведомо ясно каждому фарерцу: в романе то и дело возникают избыточные для жителей островов пояснения насчет местных реалий (например, особенностей корзины для ношения дерна), топографии Торсхавна и географии дальних островов. Но при этом отсылки к более нюансированным явлениям культуры (например, аллюзии на фарерские песни и саму легенду о Злой Байнте, заведомо неизвестную большинству датчан) даются там без каких-либо пояснений.

Сам Й.-Ф. Якобсен в одном из писем Кристиану Матрасу заметил: «В остальном ты прав, что моя книга написана не для фарерцев, а для иностранцев. Я – фаререц и иностранец одновременно, и я нашел-таки для себя органичное занятие: рассказать иностранцам о Фарерах, и я надеюсь, что таким образом сослужу службу своей родине»⁸.

⁸ Цит. по: Leyvoy Joensen: «Barbara and the Dano-Faroese Moment»/

Известно, что Й.-Ф. Якобсен желал увидеть «Барбару» в переводе на фарерский язык, но по ряду причин не смог заняться этим сам, и перевод осуществил в 1972 году Кристиан Матрас (1900–1988), крупный фарерский филолог и поэт, известный своим ревностным отношением к «чистоте» языка.

Всего роман был переведен на 15 языков. Интересно заметить, что первый его перевод на английский язык (1948) сделан Эстрид Баннистер.

Новый всплеск интереса к роману в Королевстве Дания и далеко за его пределами произошел после выхода фильма по его мотивам («Barbara», 1997 г., режиссер Нильс Мальмрос).

Несмотря на то что со времени первой публикации «Барбары» прошло более восьмидесяти лет, этот роман продолжает увлекать и волновать читателей. Вильям Хайнесен дает этому такое объяснение, с которым сложно не согласиться:

«В отношении формы „Барбара“ не является новаторской работой из тех, что становятся переломными в истории литературы. Причина оригинальности этой книги и любви к ней читателей во всем мире – совсем в другом. Во-первых, в ее абсолютной искренности. Эта книга – не „интересный эксперимент“, она даже вряд ли претендует на то, чтоб быть в строгом смысле художественным произведением, скорее

она – „человеческий документ“, явившийся на свет по той простой причине, что у автора на сердце лежало что-то важное. Это – страстное признание молодого человека в любви к жизни, которую он скоро – и он сам это знает – должен оставить. <...> Именно это преломление жизнерадостности и скорби и дает этой *обыкновенной* книге глубину и напряжение»⁹.

Роман «Барбара» говорит многое всему человечеству, хотя вырастает из культуры весьма малочисленного народа. Без сомнения, самое сильное впечатление на читателя в нем производит живое изображение сложных человеческих чувств, – но также и изображение культурных и мировоззренческих особенностей эпохи, в которую разворачивается его действие.

О. А. Маркелова, к. фил. наук, переводчик, специалист по датской и фарерской литературе

⁹ Heinesen, William: «Jørgen-Frantz Jacobsen»//Danske digtere i den 20. århundrede, bd. 2 – Tiden fra Tom Kristensen til 2. verdenskrig, Kbh., G. E. C. Gads forlag, 1966, s. 615.

«Фортуна»

Огни в помещениях Королевской Торговой Монополии едва не гасли от сквозняков при каждом порыве ветра. А в промежутках было тихо, как в могиле. Но потом тяжелые бревенчатые стены вновь начинали подаваться, и шторм сжимал просмоленные деревянные домики в своих железных объятиях. Он так отчаянно завывал в каждой щели, что окошки пакгаузов рвались вон и шатались на своих железных петлях; на травяных крышах, казалось, полыхало неистовое пламя; волны прибоя тяжело падали на камни Тинганеса, обрушивая на Торсхавн шквал соли и дождя.

На складе Оле Чулочник¹⁰ и Ребеккин Поуль сортировали предназначенные к отправке шерстяные кофты. Они сидели в маленьком кружке света от фонаря. А в остальном в пакгаузах царила тьма. Но в лавке было многолюдно.

Там были новости. С лодки, рыбачившей к востоку от острова Нолсой, видели корабль. Говорят, что «Фортуну», ко-

¹⁰ То есть человек, занимающийся приемом от населения самовязанных шерстяных вещей, главным образом чулок, для Торговой Монополии, а также их сортировкой и оценкой качества. В описываемую эпоху шерстяное вязаное белье было одной из основных статей экспорта Фарерских островов, вязаными изделиями можно было также расплатиться в лавках Торговой Монополии, и простые фарерцы, в том числе мужчины, посвящали вязанию много времени. В данном случае словом «чулочник» передано датское «hosetager»; в современном русском языке значение слова «чулочник» – «тот, кто занимается изготовлением чулок».

торуую со дня на день ждали из Копенгагена с товарами для Монополии. Но в такую погоду ей не причалить. И сама эта лодка едва успела повернуть к берегу перед тем, как налетел шторм.

Мужчины стояли без дела и делились своими мнениями о корабле. Все они были торсхавнцами – жителями «Хавна» – «Гавани»: одновременно солдатами на укреплениях, грузчиками при складе Монополии и рыбаками на бурном море (если погода позволяла, а комендант отпускал их). Они стояли, облокотившись на прилавок. Огонек светильника озарял их дряблые лица и отражался в их кислых красных глазах. Они плевали на пол и меланхолично позевывали. И так и эдак обсуждали новость. Габриэль, приказчик в лавке, стоял по ту сторону прилавка за конторкой. Время от времени он поднимал глаза от своей конторской книги и вставлял слово в общий разговор.

– У корабля было две мачты или три? Две, говорите? Ну точно, «Фортуна».

В лавку протиснулась Катрине из Подвала. Шторм гнал-ся за ней по пятам, словно злой дух. Дверь громко хлопнула за ее спиной. Она робко поздоровалась, напуганная шумом, который учинила. Мужики сплюнули чуть подальше, таким образом давая понять, что они ее заметили. Они не очень церемонились – ни Спрингус, ни Нильс с Пятачка, ни Самуэль с Подъемника¹¹, ни Мормыш. Однако они не привет-

¹¹ Подъемник (Virran) – примитивный подъемный кран в старом торсхавнском

ствовали вмешательства женщин в сугубо мужские разговоры о мореплавании. И Катрине прекрасно понимала это. Она долго стояла – тише воды ниже травы, – всего-то какая-то Катрине из Подвала. Точнее, в этот момент ее как бы не было. Но ее глаза были настороже, они светились целеустремленностью. Ей надо было провести свой маленький военный маневр. И стоило только взгляду Габриэля ненароком упасть на нее, она уже была тут как тут: «Бог в помощь, Габриэль, будь добр, налей мне кружечку сиропа!» – и она осторожно выдвинула свою кружку на прилавок.

– Какого черта тебя опять принесло? Ты уже приходила сегодня с утра покупать муку и крупу!

– Господь с тобой! Детишкам промочить горлышко!

– А-а, черт! – Габриэль вышел из себя. – Вам что – трудно закупить все сразу?!

– Ты же знаешь, мы сегодня утром не могли больше записать на книжку. А сейчас у Маркуса хороший улов, так что...

– Мне что – делать больше нечего, как бегать к бочке каждый раз, когда твой Маркус выудит из моря какую-нибудь мелюзгу?

И он с неохотой подошел к бочке, согнул свою жирную спину и начал цедить в кружку неторопливо льющийся сироп. Катрине с тревогой следила за ним. Так медленно... Только бы он не бросил на половине! Габриэль постанывал и шепотом ругался себе под нос. Потом он выпрямился и

грохнул кружкой о прилавок: «На!»

Он взял ее долговую книжку и сделал запись. Катрине ушла. Мужики сплюнули.

Габриэль был по натуре добряк, немного зазнавшийся в силу своей должности. У него были большие пухлые губы, пенящиеся беззлой грубостью. От безделья он разжирел, а от ежедневного стояния за прилавком к нему, словно болезнь, пристала насмешливость. Он был царем над покупателями и с одинаковой щедростью отвешивал человечешкам по ту сторону прилавка зерно, кандис, нюхательный табак.

Этот разговор о корабле начал ему надоедать.

– Ну как, – вдруг спросил он, обращаясь к Мормышу, – ты сегодня гринду видел?

Мормыш сплюнул себе под ноги. Он понял: это сигнал. Сейчас его начнут дразнить. Его голова резко поворачивалась по сторонам, глаза настороженно блестели. Над ним смеются?

– Гринду? А что, разве гринду увидишь в ноябре-месяце?

– Ну, *ты*, может, и увидишь. Ты ее видишь, когда никто не видит.

Эта история уже быльем поросла! Мормыш однажды обонялся и принял стаю ныряющих гаг за косяк китов. Второпях он забил тревогу и учинил в городе целый переполох. Такие промахи бывали и у других. С той поры минуло столько лет... Зачем опять поднимать это? Каждый раз, когда кто-нибудь заговаривал о том случае, он приходил в ярость.

Мужики захохотали. Мормыш зло покосился на них, сме-рил каждого ядовитым взглядом. Он подыскивал слова. Вот он остановился возле Самуэля с Подъемника:

– Чья бы корова мычала! Я хотя бы не дрыхну без задних ног на посту, когда киты плавают у меня под самым носом, – в отличие от тебя!

– Меня?!

У ошеломленного Самуэля свело рот:

– Меня?!

По всей честной компании прокатился смешок. Этот случай тоже был всем хорошо известен, лишь Самуэль словно впервые слышал о нем. Казалось, из его глаз вот-вот хлынет целое море злости. Он мерил несносного Мормыша глазами: да как он только смеет в чем-то обвинять его!

Началась дуэль взглядов. Потом она переросла в словесную баталию. Оба были выпивши. Обоих распирало уязвленное самолюбие. Они словно говорили друг другу: «Уж мы-то свое ремесло знаем! Мы со своими обязанностями справляемся! И пусть хоть кто-нибудь посмеет возразить!»

Они принялись стучать по прилавку. Габриэль торжествовал: он добился-таки, чтоб вокруг него кипели страсти. Время от времени он вставлял серьезные, сугубо практические замечания, которые разжигали боевой дух дуэлянтов. Но переломный момент в баталии наступил, когда Мормыш внезапно – словно по какому-то внушению – обнаружил в своем словарном запасе слово «стрекулист» и выпалил его. Значе-

ния этого слова он и сам толком не знал. Все разом замолкли. Самуэль с Подъемника выпрямился и уставился на Мормыша:

– Кто это «стрекулист»? Я?!

Он тоже не знал, что такое «стрекулист». Но от этого обзывательство не становилось менее обидным. На него надо было чем-то ответить.

– Нет, – взвешенно и с достоинством возразил он и пошел по помещению. Все изумленно следили за ним. Вот он прошел за прилавок: мимо бочек и мешков, вглубь комнаты, к самой конторке Габриэля. Там он встал в позу.

– Нет; сам ты – стрекулист! – проревел он, громко ударив кулаком по приходно-расходным книгам. Он послал Мормышу испепеляющий взгляд. А потом, с чувством выполненного долга, тем же длинным путем возвратился на свое место.

Мормыш неистово завращал глазами. Он был сражен.

– Я?! Я стрекулист?!

Он раскрыл рот от удивления. А вдруг оно так и есть?

– Нет! – твердо сказал он, едва к нему вернулась былая уверенность. – А вот ты – да!

Он сбросил башмаки, прошел за прилавок, пробрался к самой конторке, ударил по ней и плачущим голосом прокричал:

– Сам ты – стрекулист!

После этого он пробрался обратно на свое место и снова надел башмаки.

Как ни был Самуэль обескуражен первым обвинением в свой адрес, дальнейшее обескуражило его не меньше. Вообще природа наделила его редкой способностью удивляться злу этого мира – и сносить это зло с подобающей душевной силой. Но сейчас он был просто обязан выразить протест!

Он вновь неспешным шагом прошел к конторке, встал в позу возле нее, прицелился и спустил курок, ведь сейчас он был солдат. Конторка закрипела. «Нет! Сам ты – стрекулист!»

Мормыш пригнулся. Опять его атаковали с фланга. Его голова резко поворачивалась то влево, то вправо, кислые глазки что-то выслеживали. Нет, он так больше не мог! Башмаки долой! Скорее к конторке! Ведь он тоже был солдатом и знал, как послать выстрел, бьющий наповал. Сейчас он им всем покажет! Он вложил всю силу своей поруганной души в испепеляющий взгляд, а всю силу мускулов – в удар кулака. «Нет! Сам! Ты! Стрекулист!» Последнее слово он проорал и сопровождал тремя дополнительными выстрелами: очередью по конторке. А затем вернулся на место, ощущая себя победителем, и вновь обулся. Теперь этот Самуэль будет знать!

Самуэля сильно огорчила эта жестокая атака. Но чуть позже он худо-бедно пришел в себя. Он заставил себя продолжить бой: все еще согбенный, но в блеске обновленного трагического величия.

И так они спорили дальше. Остальные мужики благоразумно придерживались нейтралитета. Они прикрывали рты

рукой – но глаза их были живыми, в них светились внимание и веселье. Какое счастье, что на линию огня попали не они!

Габриэлю сначала не понравилось, что за его конторкой начался такой разгул стихии. Но вскоре он бросил свою репутацию на алтарь веселья. Ведь сейчас – сейчас ему, черт возьми, удалось-таки их расшевелить! Он буквально извертелся, его пузо беззвучно вздымалось и опадало. А торсхавнцы честно продолжали играть свою комедию на потеху его высочеству. В конце концов он встал у прилавка и начал – на правах должностного лица – ненавязчиво управлять ими. Пока один не вышел из-за конторки – другому не позволялось зайти за нее.

В этом был весь Габриэль. Он был виртуозом игры на слабостях честного народа, умеющим стравить людей, заставить их вывалиться на всеобщее обозрение все их самые потаенные и самые жалкие страстишки. Что влекло их в его лавку? По правде говоря, жизнь дома у баб, среди дернового дыма да визга ребятишек, была не такая уж веселая. А здесь – здесь был аромат кардамона и других специй, а заодно и возможность пропустить рюмашку. И еще новости. Отблеск большого мира.

И здесь могло-таки что-нибудь случиться!

Дверь вновь открылась с грохотом от порыва ветра. Увлеченная скандалом публика не обратила на это внимания – мало ли, какую бабу принесло! – но вскоре все увиде-

ли, что пришла Барбара – дочь соренскривера¹².

Все вдруг изменилось. Габриэль и тот стал другим. Слово «стрекулист» застыло у Мормыша на губах, его кулак хлопнул по казенной конторке, словно грянул неуместный холостой выстрел. И сейчас он стоял (ах, боже мой!) на цыпочках и прихорашивался.

Не то чтобы к Барбаре все испытывали особое уважение. Да, она была любезна с простым народом и не заносчива. Но когда среди бушевания вечерней бури в кругу мужчин вдруг неожиданно проглянет солнце...

– Есть ли у вас в продаже шелковые подвязки? – прозвучал ее голос.

– Шелковые? – Габриэль взял себя в руки. – Шелковые подвязки, извольте!

У Барбары – солнца – внезапно появилась озабоченная морщинка между глаз, губы надулись и начали кривиться. Мормыш стал очень осторожно прокрадываться к себе на место, но юбка Барбары заслонила его башмаки.

– Но завтра мы получим еще больше шелковых подвязок, – произнес Габриэль; его глаза сверкнули.

– Завтра? – в ее голосе было удивление.

– Да, или послезавтра.

– Как это понимать? – голос Барбары стал еще более удивленным, но в то же время казалось – она вот-вот рассмеется.

¹² Название судейской должности на Фарерских островах. (В описываемую эпоху – присяжный секретарь при лёгретте – высшем судебном органе.)

– Полноте, Барбара, – вдохновенно произнес Габриэль. – Не пытайтесь внушить мне, будто вы единственная во всем Торсхавне не знаете, что «Фортуна» пристала возле Нолсоа.

– То ведает Господь...

Барбара продолжала настаивать, возмущение так и рвалось из нее; короткие смешки бурлили в ее горле.

– Да, – подхватил Мормыш (свои слова он сопровождал поясняющими жестами, при этом колени у него дрожали). – Мы ее видели, когда утром рыбачили: и Томасов Оле, и Маркус из Подвала, и Самуэль с Подъемника.

Вдруг Барбара одарила Мормыша солнечным лучом.

– Ах, правда? Отчего же она не заходит в порт?

Мормыш, щедро осиянный лучами, был польщен и рьяно затряс головой:

– Разве в Хавне в такую погоду пристанешь?

– Ах, да, разумеется...

– А еще приехал новый пастор в Воварский приход, о нем вы тоже не слыхали, Барбара? – поинтересовался Габриэль.

– Разумеется, я знаю, что на остров Вовар ожидают прибытия нового пастора. – В ее голосе было раздражение; подвязки ее больше не интересовали.

– Да, – продолжал Габриэль, – как я уже сказал, корабль прибудет завтра или послезавтра, и тогда вы сможете получить такие подвязки, какие хотите. Но ведь тогда, наверно, уже будет поздно?

– Как это понимать? – и снова на лице Барбары изобрази-

лась не то обида, не то улыбка.

– Да никак. Я хотел сказать, что тогда уже будет поздно прихорашиваться для нового пастора. Ведь он *уже* будет в городе.

Мужики недоуменно посмотрели на Габриэля. Конечно же, он приходился Барбаре кузенom. Однако ехидствовал над ней точь-в-точь как другие! Все украдкой бросали на нее взгляды. А она стояла в желтом свете свечей с улыбкой на губах. И вовсе не сердилась. Разоблачение было ей как будто почти приятно.

Потом она обратилась к Нильсу с Пятачка радостным голосом:

– Ну что, Нильс, твоей маленькой дочке стало лучше? Завтра я собираюсь кое-что ей принести.

Она подошла к двери и принялась с трудом толкать ее. Мормыш, который наконец нашел свои башмаки, выскочил вперед, чтобы все-таки помочь ей. Когда она ушла, на его обиженном лице все же читалась улыбка. Ее смех, рвавшийся из горла, все еще висел в воздухе особой ноткой среди аромата кардамона. Видение промелькнуло и исчезло. Потрепанные мужички преисполнились благоговения.

Но тут молчание нарушил Габриэль:

– Вот ведь упертая особа, черт меня раздери! Готов поклясться, завтра с утра она уже побежит на пристань охмурять нового пастора, когда он сойдет на берег, – совсем как г-на Нильса и г-на Андерса, когда приезжали они!

В голосе Габриэля звучало презрение.

О, да! Эта история была им всем известна. Барбара уже вдовела после двух пасторов, г-на Томаса с Северных островов и г-на Нильса с острова Вовар; последнего не стало всего год назад. Третий г-н Андерс с Неса, с которым она одно время была обручена, вовремя одумался. Вот как раз с ним ничего плохого не случилось. Но поговаривали, что в смерти обоих своих мужей была виновна сама Барбара. На островах об этом ходило много сплетен, кое-кто называл ее «злая Барбара». Но это было в основном в дальних селениях. Кто знал Барбару лично, утверждал, что она как раз не злая. Что же касается торсхавнцев, ее земляков, то с ними у нее никогда не бывало никаких трений, отнюдь. Зато Габриэль вечно говорил эти свои колкости.

Оле Чулочник и Ребеккин Поуль вошли в лавку из Морского сарая с фонарем. Они уже закончили там свою работу. Пора было идти домой ужинать. Все мужики вскочили и тяжелой поступью побрели на улицу, в шторм, и дальше среди пакгаузов, через Рейн¹³, мимо церкви по своим лачугам.

Габриэль внезапно остался в своей лавке в одиночестве. Он был дороден, он был царь и бог над своими клиентами, и даже над самой Барбарой подтрунивал. Но внутри у Габриэля болело. Он был всего лишь человек. И в его купеческой душе жила тайная глупость. Сущий пустяк, ничто. На-

¹³ Reyn – возвышенность, на которой расположена историческая часть Торсхавна.

верно, всего лишь маленькая собачонка, которая выла на луну, пока никто не слышит. Ведь ему жилось хорошо, у него было жалованье, и он зарабатывал сверх него. Когда-нибудь он мог бы стать фактором¹⁴ или даже фогтом¹⁵, ведь у него были связи. А что насчет одиночества – то ведь была же у него Ангелика, которая ходила к нему на квартиру, стоило ему пожелать. Все у него в жизни было хорошо устроено. Но вот – его собственная кухня Барбара, побывавшая замужем за двумя пасторами. Она и еще с очень многими справила свадьбу, он это знал, у него была светлая голова, и ничто от него не ускользало. Это было позором для семьи и вообще презрения достойно. Но коли уж так – то почему она никогда не справила небольшую свадебку *с ним*? Ведь это было так близко, так возможно. Тем более это было бы внутри семьи, и все бы быстро замяли.

Но сейчас приехал этот новый пастор.

Собачонка внутри Габриэля завела поистине душераздирающий вой, высоко задрав морду. И тут его осенило. Он даже присвистнул. Ну конечно!

Когда он чуть позже зашел к фактору за ключами, у него уже был план.

¹⁴ Фактор – торговый представитель.

¹⁵ Фогт – название судейской должности. Ландфогт – фогт Фарерских островов.

– Где же ты была, Барбара Кристина? – спросила соренскриверская вдова Магдалена холодноватым ворчливым тоном. Она сидела возле секретера в своей большой гостиной и возилась со старыми бумагами.

Барбару пробирал холод, а дождь промочил ее почти насквозь.

– Все-то ты, мама, сидишь у этого секретера. Почему бы тебе не перебраться в рокстову¹⁶, там теплее?

– Господь с тобой, я подложила во встроенную печку дров.

– Ты же знаешь: она не греет.

Они отужинали в молчании. Затем мать снова пошла в свою изысканную гостиную с секретером и двумя гладкими миниатюрами на выскобленных добела стенах. «Как ты думаешь, мог твой отец спрятать деньги в каком-нибудь тайнике в секретере?» – спросила она в дверях.

– Ты каждый день об этом спрашиваешь. Я в этот рассказ больше не верю. Иначе мы давно бы уже нашли этот тайник...

Когда через час Габриэль постучался и вошел в дом, он обнаружил Барбару в шерстяном платье, сидящей у очага.

¹⁶ *Far. roykstova* – жилище традиционной фарерской постройки, с дерновыми стенами и открытым очагом. В XVIII–XX вв. в зажиточных домах такое помещение могло соседствовать с более современными гостиными датского образца.

Рядом были небрежно брошены стащенные с ног чулки. Она была сонной, усталой, и визит кузена не пробудил в ней женственности.

Магдалена вышла из своей гостиной и спросила племянника, нет ли каких известий. «Да не сиди же так! – обратилась она к дочери. – Накинь что-нибудь!»

– Ах, Габриэль же не чужой, – возразила Барбара.

Да, Габриэль не чужой. И здесь он мог сидеть и лицезреть ее белые руки и шею – как что-то само собой разумеющееся, слишком уж само собой разумеющееся. В этом-то и заключалось проклятие. У нее была такая необыкновенно чистая кожа. Может, это из-за того, что она побывала в той бочке?¹⁷

Вскоре Магдалена вновь вошла. А Барбара зевнула.

– Эй Барбара, ты же хотела шелковых подвязок, нарядов и еще чего-то такого? – вдруг спросил Габриэль доверительным тоном.

Тут Барбара встрепенулась, ее глаза тотчас оживились, голос стал мягче:

– А у тебя есть?

– Наверно, я мог бы тебе достать.

– Где? Где? – все ее тело вдруг пришло в движение, лицо залучилось почти забавным выражением предвкушения.

– Только никому ни слова об этом, – сказал Габриэль.

¹⁷ Отсылка к эпизоду из фарерской народной легенды «Злая Байнта», в котором героиню окунули в бочку со старой мочой. В старину в Северной Атлантике эта жидкость использовалась для отбеливания шерсти, стирки или даже мытья.

– Конечно нет, – нетерпеливо выкрикнула она, затрепетав от ощущения таинственности. У нее вырвался смешок.

– У меня лежит целая грудa, – шепнул Габриэль.

– Правда? Это на складе? И мы туда прямо сейчас пойдём?

Это было минутное дело: открыть сундук, выдвинуть ящик – и вот Барбара вновь в юбках и башмаках, на шее платок, на лице заговорщицкое выражение. Габриэль оказался слегка обескуражен, уголки его большого рта обвисли.

В этот миг вошла Сусанна Харме, фогтова дочь.

– Надо же, как забавно, – залепетала Барбара, – ты не представляешь, я сейчас пойду с Габриэлем на склад, посмотреть, какие у него там хранятся шелка и наряды – правда, интересно? Как хорошо, что ты пришла!

А вот Габриэль так не считал. Большая надежда пошла ко дну. Вот проклятие, черт возьми!

– На склад? – переспросила Сусанна, изящная брюнетка. Ее слегка пробрала дрожь. Она наморщила лоб.

– Правда, жутко интересно? – повторила Барбара.

– Ну, не знаю. Сегодня? А это не привлечет внимания? Все-таки папа у меня фогт...

– Обычно ты об этом не задумываешься, – вырвалось у Габриэля. – Но мы можем и без тебя пойти.

– Нет-нет, – возразила Барбара.

– Но у отца на складе контора, – сказала Сусанна. – Габриэль, а вдруг тебя там застанут?

– Ах, вот что. Да как будто фогт сам никогда сажень ткани не продавал! Как оно с голландцем-то вышло, который в Ост-Индию плыл? Тем более у фогта контора не в моей комнате – по крайней мере, сегодня.

– Мама, я к Сусанне ненадолго! – крикнула Барбара, когда они выходили. Они прошли вброд через Гонджин¹⁸ в крошечной черноте. Дождь налетал злыми порывами и сверху, и снизу. Они шли на ощупь и ступали осторожно.

– Значит, это контрабанда, – решила Сусанна.

Барбара в глубине души смеялась. Как интересно. Как интересно! Ей пришлось взяться за руку Габриэля. Гонджин был единственной протяженной улицей в Торсхавне: остальные были случайные проходы между расставленными вразброс домами и лачугами – в городе их называли «skot» – зачастую настолько узкие, что там с трудом могли разойтись двое прохожих. Вот они вошли на горку – Рейн, где стояли школа, пасторское подворье Рейнгарур и церковь. Вот они прошли через кладбище. За церковью, в проулке, и был вход на склад, самое северное здание Королевской Торговой Монополии. Габриэль воткнул в замок массивный ключ. Когда две женщины вошли в ночной пакгауз, их ошеломили черная как смола темнота, внезапная тишина и спертый воздух. Габриэль пошарил вокруг, вскоре нашел фонарь, выбил огнивом искру и зажег огонь. Они поднялись по крутой лестнице на длинный чердак. Их тени трепетали над скрипучими

¹⁸ Центральная улица в исторической части Торсхавна.

половицами. Сквозь доски тут и там свешивались увядшие корни травы, росшей на крыше. Сусанна, задрожав, прижалась к Барбаре.

Они вступили в квартиру Габриэля в конце фасада. Это была маленькая комнатка с альковым, стенными шкафами и сундуками.

– А местера¹⁹ Нобера ты здесь не видел? – спросила Сусанна со смешливым испугом в голосе.

– А это еще кто такой? – спросил Габриэль.

– Не знаешь? Ах, да, ты же родился не здесь. Его все торсхавнцы боятся. Говорят, он ходит в Хавне по всем чердакам.

– Я его никогда не встречал.

– Он носит черный остроконечный капюшон и разговаривает сам с собой. А если он на тебя посмотрит – глаза у него желтые.

Она поежилась от отвращения:

– Нет, я бы здесь ни за что на свете не осмелилась жить!

Габриэлю такой разговор не понравился. Он начал, нарочно шумя, зажигать свечи.

– А заседание ты видел? – не унималась Сусанна.

– Какое еще заседание?

– Ну, заседание. – Глаза Сусанны расширились. – Семь человек! Они сидят в каком-то доме, не знаю в каком, за

¹⁹ Mester (букв.: «мастер; наставник; хозяин», *dam.*) – титул образованных людей, главным образом учителей, пасторов, врачей, но мог употребляться и по отношению к колдунам.

большим столом.

Внутри Габриэля что-то начало цепенеть. Сусанна увлеклась собственными словами. Ее лицо слегка исказилось. Голос звучал глухо и возбужденно: «Их многие видели. Они сидят в полном молчании и все пишут, пишут письма, а потом запечатывают».

– Перестань! – одернула ее Барбара. По ее телу прокатилась дрожь, а потом она улыбнулась совсем слабой улыбкой.

– Мозгов у вас нет, – сказал Габриэль.

Повисло молчание. Слабый свет свечи не доходил до всех углов комнатухи. Сквозь завесу мглы просматривались голые доски, потемневшие от старости. Глаза Сусанны все еще сверкали. Но тут Габриэль начал вынимать наряды – и из загадочных тайников вспыхнуло многоцветье красок. Комнатуха в одночасье стала другой, страшная атмосфера оказалась нарушена. Жадные женские руки принялись хватать материи, разворачивать их, белые пальцы пробегали по скрипящему шелку, засверкавшему и воссиявшему над убогим жильем. В начале были лишь молчаливое восхищение и блеск глаз. Под травяной крышей местера Нобера вспыхнула беззвучная весна – поднялась, словно возвышение на четырех столбах, и обе женщины сидели как замороженные.

Габриэль, торговец и дамский угодник, разыгрывал свои карты умеючи, не растрачивал все козыри сразу, а действовал обстоятельно, разворачивая свой спектакль словно огненное торжество. Сейчас был его звездный час. Он не нарушал

тишины, а просто давал свершаться чуду за чудом.

– Но Габриэль, – вдруг резонно поинтересовалась Сусанна, – где же ты все это раздобыл?

– А нужно рассказывать? Я их не украл.

– Наверняка ты завел шашни с каким-нибудь голландцем или англичанином, который возит контрабанду!

Габриэль не стал их разубеждать. Звучало это логично. Впрочем, правда заключалась в том, что столкнулся он с одним из собственных шкиперов Королевской Торговой Монополии.

– Да у тебя и шелковые чулки есть! – удивленно возликовала Барбара.

Товар – это власть, подумал Габриэль. Ему вдруг вспомнились промокшие шерстяные чулки Барбары, лежавшие перед очагом, такие непрезентабельные и будничные. Ему показалось, что он заработал много очков, – и он снова начал разыгрывать свои карты: «Посмотри-ка сюда!»

Он вынул пару туфель с вышивкой и поставил у ног Барбары, перепачканных уличной грязью.

Обе женщины разинули рот. Барбара подобрала ноги к себе, слегка смутившись от такого сопоставления, но вскоре выразила желание тотчас примерить туфли. Габриэль не отказался, он даже был готов ей помочь, встал на колени и снял с нее обувь. Ногу Барбары облегал лишь грубый шерстяной носок – но черт побери! – она была такой маленькой и ладной, что изящная туфля пришлась по ней впору, даже оказа-

лась чуть великовата. Ах проклятая Сусанна, зачем она только пришла! Внезапно Габриэль увидел в головокружительной перспективе, сколько в этом миге таилось упущенных возможностей. Ведь у него было много вещей, которые Барбара наверняка не отказалась бы примерить!

Его сердце стучало. И вот в его умной голове что-то щелкнуло. Он извлек изящную подвязку для чулка. Мол, не желает ли Барбара примерить?

В ее горле раздался смешок, она бросила взгляд на Сусанну, затем рассмеялась и очень вежливо сказала: «Подвязку и примерять нечего, Габриэль».

Сусанна подняла глаза, немного рассеянно, быстро нахмурилась, а затем сказала с внезапным воодушевлением: «Дай мне померить те туфли!»

Барбара поднялась: «Какое из этой материи получится платье?» – спросила она, принявшись драпироваться во что-то с цветочным узором.

– Вот если бы у меня была такая юбка и те туфли, – сказала Сусанна, взмахнув ногой под шелками.

– А вот сейчас смотри, – восторженно вскричала Барбара. Она вытащила что-то из кучи и поднесла к свету.

Габриэль попытался вмешаться, но они его не слушали. И вдруг он ясно увидел, что вчистую проиграл своим же собственным товарам. Обе женщины, как опьяненные, бросились обсуждать наряды, они выбирали, забраковывали, шутили, примеряли. Глаза Барбары сверкали, в голосе слыша-

лось бодрое ликование, в своем горячем стремлении принарядиться она становилась все более и более пригожей.

– Пожалуй, сниму-ка я платье, – сказала Сусанна.

– Да. И я, пожалуй, тоже, – ответила Барбара.

Их темные одеяния, мокрые от дождя и бесформенные, при примерке оставляли влагу на ярких нарядах. Сусанна уже начала расстегивать корсаж платья, как ее взгляд упал на Габриэля:

– Ах, Габриэль, выйди-ка ненадолго!

– Да жалко его выгонять, – сказала Барбара.

Сусанна посмотрела на Габриэля, раздумчиво, испытующе, и вынесла вердикт: «Нет, нельзя, чтоб ты остался здесь и на все это смотрел».

И Габриэль вышел.

Его случайно заметили в его собственной комнате и выставили, как помешавшую собачонку! В его груди клокотало. Вот тебе и отличный грандиозный план! И теперь он стоит тут на пустом чердаке. А они в комнате, небось, уже и позабыли о нем. Он принялся бродить взад-вперед с фонарем, обиженный, – но в то же время ему было по-настоящему не по себе. Мистер Нобер! Буря усилилась, она навалилась на дом, как непрерывный сверхтяжелый гнет – немолчная песнь тысячеголосой беды. Он дошел до противоположного конца чердака у «Монаховой горницы» и выглянул в крошечное оконце. Западная бухта была вся в бурунах, белая пена сверкала в темноте. *Заседание* – разве они не сидят за столом где-

нибудь среди строений Монополии. Может, всего в паре саженей от него. Чертова Сусанна – припала же ей охота именно сегодня рассказать эту байку! Конечно, не *ей* же сегодня ночью в этом доме в одиночку ночевать!

Он подошел к своей собственной двери. В комнате – женщины, щебет. Смех Барбары, ее остроты, взрывы хохота. Чуть более низкий и умный голос Сусанны. Нет, они там, в комнате, глухи к шуму ветра и прибоя. Они не переворачивают песочные часы, не считают медленно ползущие часы ночи. Они меньше всего обращают внимание на колотящееся сердце и обжигающую страсть Габриэля. Он – лишь тень на чердаке. А в комнате – лето. Они утопают в нарядах, украшениях, красках. Он ощущал, как скрипят и шуршат ткани. Он готов был поклясться, что они сняли с себя свою домашнюю шерстяную одежду до последней ниточки. Они были две бабочки, греющиеся в лучах сказки, они наряжались в алое, золотое, голубое, в воздушный хлопок, в тяжелый шелк – *его* товары! Одержимые суетностью, они наукрашались властью.

Прошло много времени, прежде чем женщины догадались снова впустить Габриэля. Они уже выбрали, что хотят купить. Собственно, покупать собиралась только Барбара, хотя и другой должно было что-нибудь достаться. А сколько это стоит?

Габриэль, дамский угодник и торговец, когда-то представлял себе, что при определенных обстоятельствах ответит

Барбаре, что, мол, почти ничего не стоит. Но сейчас он был сердит и называл кусачие, буквально заоблачные цены.

И тут случилось неожиданное: Барбара заплатила не моргнув глазом наличными из своего кошелька – серебром, не думая. Жертва на алтарь красоты.

Габриэль покраснел.

Сусанна не готовилась к покупкам и попросила отпустить ей товары в кредит. И ей – самой изящной даме в городе – его, конечно же, охотно дали.

А потом Габриэлю пришлось их провожать. Нет, спасибо, вина не надо, и так уже поздно, заметила Сусанна. И Габриэль понял, что этот козырь ему не надо было слишком долго держать при себе.

Когда они проходили по длинному чердаку, Барбара тихонько и ласково заметила Габриэлю: «А твои подвязки я все-таки примерила».

Это она его так утешает? Странноватое, однако, утешение! И все же – произнесенное таким тоном, оно звучало почти как благодарность. Значит, правду говорят, что никто из воздавших хвалу Барбаре совсем без благодарности не остается?

Но Габриэль не воздавал ей хвалы. Девка, которая за пасторами бегаёт! Он-то все знал.

На кладбище женщины распрощались с ним. Он пошел назад между могил мимо церкви. Его потная рука все еще сжимала Барбарыны монеты – специи. Теперь он скоро смо-

жет купить земельный участок. Но маленькая собачонка внутри него выла. И вот он вошел в темный вымерший дом к местеру Ноберу и одинокому ложу.

И пока буря нависала над городом, как кошмар, две женщины – хитрые, подозрительные, преисполненные впечатлений, с большой поживой – пробирались по иссеченным дождем заулкам к себе домой.

Вдова предшественника

– Вам ведь известно, что в предназначенном вам приходе от вашего предшественника осталась вдова?

Это говорил ландфогт островов.

Да, новому воварскому пастору, г-ну Поулю Аггерсё, это было известно. Просто его это мало интересовало. Большинство пасторов относилось к этому по-практичному: они попросту женились на таких вдовах. Но он был из другого теста. Он вообще не лелеял планов о женитьбе, и его раздражало, если об этом за него начинали хлопотать другие.

Он сидел в гостиной у своего коллеги – торсхавнского пастора, в окружении людей, жаждущих послушать известия из большого мира. Ему пришлось рассказывать о сражениях и о генералах, о непобедимом императоре Фридрихе Пруском и о короле Людовике Французском, которого никто не мог остановить в его разгуле. От новостей все пришли в какое-то возбуждение: и соренскривер, и фогт, и торговый фактор, и комендант крепости; они ходили взад-вперед, переступая высокий порог между большой гостиной и кабинетом. Женщины ничего не говорили – за исключением престарелой Армгард, лёгманской²⁰ вдовы, и ее сестры Эллен

²⁰ Лёгман – председатель лёгретты – подразделения фарерского лёгтинга (высшего органа власти на Фарерских островах), выполнявшего законодательные и судебные функции. В описываемую эпоху деятельность лёгтинга сводилась к су-

Катрине на костылях и с веселым лицом. А она считала, что никому не сравниться с Мальбруком, жившим во времена ее юности.

Г-н Поуль сидел, рассматривая всех этих совершенно чужих людей, в общество которых сейчас попал. У него перед глазами все до сих пор качалось. Он провел в плавании четыре недели. В последние сутки их корабль пережил страшную бурю у черного крутогорного острова под названием Нолсой. Лишь к сегодняшнему утру ненастье улеглось и судно вошло в гавань.

Когда «Фортуна» опустила якоря, в воздухе еще висели остатки ночного мрака. Было зябко, над обшарпанным дерном горных склонов тянулись снеговые тучи. Черная, иссеченная непогодой деревянная колокольня возвышалась над скоплениями домиков. Это Торсхавн. Какое тут все землистое! Люди, появлявшиеся у фасадов домов, в эту серую утреннюю пору выглядели бледными и изможденными. Когда г-н Поуль сошел на берег на скалистую почву Тинганеса, у него буквально сложилось ощущение, будто он угодил куда-то в подземный мир. Но, направляясь к строениям Торговой Монополии, он заметил в толпе зевак, стоявшей в воротах, двух нарядных женщин. Одну из них он особенно выделил. Светловолосая, стройная, изящная, она стояла и явно не обращала на него ни малейшего внимания.

В течение всего этого мрачного дождливого дня он обремененной.

тался среди чужих. Он пока нечетко различал их, они были как большие тени, изъяснявшиеся на полупонятном языке. И здесь, в сумрачных пасторских гостиных, они ходили взад-вперед, а где-то в доме жужжала прялка, жухлые стебли травы свешивались с крыши на окна, из которых открывался вид на серый Восточный залив и крепость Скансин на другом его берегу, где развевался флаг. Но повсюду его преследовало воспоминание о встреченной им женщине. Порой он долго не думал о ней – и все же она постоянно была рядом: как что-то приятное, как луч света, как утешение.

Но фогт явно вознамерился вести речь об этой вдове предшественника.

Ландфогт Фарерских островов Аугустус Харме был датчанином, дородным, рыжим, его легко бросало в пот. Голос у него был твердый, довольно дружелюбный, но всегда поучающий, вечно знающий, как лучше. Он беспрестанно откашливался, занимая этим время. Он знал себе цену и мог заставлять слушателей ждать, пока будет готов высказаться.

– Да, – сказал он, – вам, вероятно, также известно, что вышеупомянутая вдова – дочь покойного соренскривера Петера Виллумсена Саллинга. Она не стара, по-моему, всего двадцати восьми лет от роду.

– Не надо так расхваливать Барбару Кристину! – послышался строгий голос из-за вязания, – она сквернавка, это всем известно!

Это вмешалась в разговор лёгманская вдова. У нее был

большой нос, а глаза острые и холодные, как у морской птицы.

– Я и не хвалю Барбару, – ответил фогт. – Но я и не отзываюсь о ней отрицательно. Я просто считаю необходимым посвятить молодого пастора в положение вещей.

– Тогда лучше рассказывайте не о ее возрасте, а о ее поступках, – парировала Армгард и стукнула по столу кулаком, – что она насовершала за эти свои двадцать восемь лет...

– Ну, не знаю, не знаю... – произнес соренскривер. – Я бы не назвал Барбару сквернавкой. У нее есть недостатки, заметить которые немудрено. Но что она может с этим поделать? Собственно говоря, в ней нет ни капли злобы.

– Да, Йохан Хендрик! Ты же был вхож в дом старого соренскривера. Кому как не тебе знать такие вещи!

– Это верно, Армгард. Я Барбару знал с детства. А вот вы о ней знаете только то, что слышали у сплетников.

– Я знаю, где правда. И я знаю, как умерли и г-н Томас, и г-н Нильс.

Соренскривер Йохан Хендрик Хейде больше ничего не сказал. Он задумчиво погладил свой подбородок. В его длинной, чуть согбенной фигуре было что-то нервное, что-то колеблющееся. Он всегда был таким. Человек чести, превосходящий других умом, слишком умный, чтоб быть сильным. Но он мог разразиться насмешкой – сухой, едкой. За это его уважали, даже побаивались.

Как и его брат, торсхавнский пастор Венсель Хейде, он

относится к кругу самых знатных фарерцев. Они принадлежали к старинному роду с изрядной примесью зарубежной крови, но прочно пустившему корни в этих краях. Впрочем, два брата были несхожи между собой. Соренскривер был высоким и худым, пастор – низким и толстым. Соренскривер был скептическим, пастор – елейным. И если у Йохана Хендрика затаенно бурлила желчь в адрес сослуживцев датского происхождения, фогта и торгового фактора, – то Венсель носил в себе столь же потаенное и столь же пламенное желание примкнуть к ним и войти в их общество. Поэтому сейчас г-н Венсель был доволен, что они собрались в его гостиной. Дородный фогт, остроумный фактор со множеством смешных историй и красавицей-женой фру Матильде, которая разговаривала мало и явно страдала малокровием, но умела прыскать и ахать в весьма изящной манере.

Разговор уже давно разбился на множество отдельных тихих бесед. Когда все новости уже были рассказаны, не осталось ничего, что бы по-настоящему объединяло всех собравшихся. Однако секретное место сборов было в кабинете, и время от времени мужчины обменивались лукавыми взглядами. Они никак не могли успокоиться: все ходили, ходили и переступали через порог. Армгард двигала своими спицами зло, темпераментно – и отнюдь не только из-за Барбары. Она почуяла неладное и теперь сердилась. Другие женщины тоже. Так бывало всегда, когда причаливал корабль.

Даже лёгман, Самуэль Миккельсен, встал со своего места

и нанес визит в кабинет. Для грузного неповоротливого человека это было равносильно целому путешествию. Причем оно было долгим. Армгард издала недобрый всхрип, увидев, как племянник, преемник ее мужа, занял своей могучей спиной весь дверной проем. Но у ее сестры Эллен Катрине в глазах сверкнуло понимание. Она откинулась на скамью и чертила своим костылем в воздухе веселый знак: «Ах, этот мир!»

Впоследствии новый пастор вспоминал это все вплоть до мелочей. Но в тот момент он ничего не понял. Лишь после тактичного приглашения коллеги, г-на Венсея, он догадался, что в кабинете можно попробовать французской водки.

Также он не понял, что особенного в этой вдове: стоило фогту назвать ее имя – как в обвисшие паруса беседы дохнул свежий ветер.

Лёгман вернулся из кабинета, большой и спокойный, но несущий на себе печать какого-то неуловимого обновления. У него была обширная волнистая борода. Он напоминал бога Юпитера. Но взгляд его был спокойным и мягким. Порой в нем проглядывала тонкая, почти ласковая улыбка.

Он уселся, но поначалу не говорил ни слова. А затем возвысил свой робкий голос:

– Какой Барбара была в первом браке, я умолчу, хотя и слышал об этом разные удивительные вещи. А во втором браке она, по-моему, была, осмелюсь доложить, не очень хорошей супругой. Но утверждать, что именно она довела г-на

Нильса до гибели, было бы неверным: это несчастный случай.

Армгард фыркнула:

– Несчастный случай! Тогда у Барбары происходит больше уж много несчастных случаев. И все они ей почему-то на руку.

Эллен Катрине вытянулась на своей скамье и воздела в воздух костыль, словно сигнальный жезл:

– Помолчи, Армгард, дай Самуэлю рассказать. Ему-то лучше знать, чем тебе!

Лёгман Самуэль сидел, рассматривая свои маленькие ручки. Обычно он не говорил лишнего. Все с нетерпением смотрели на него. Раньше он не рассказывал о Барбаре. Но, видимо, кое-что знал. Его резиденция, Стайгарур, располагалась в Сандавоге, лишь в четверти с небольшим мили от пасторского подворья Янсаджери в Мидвоге, где жили г-н Нильс с Барбарой.

– Я Барбару совсем не понимаю! Когда она привезла г-на Нильса на запад, на Вовар, все ясно видели, что она его просто боготворит. Все хорошо о ней отзывались, и я, со своей стороны, скажу лишь, что и по своим поступкам, и по сущности она выглядела как ангел.

– Ангел! – старая Армгард – морская птица – посмотрела на своего племянника ледяным взглядом. – Господь с тобой, Самуэль, нет! – И снова кулак приблизился к столешнице. – Даже если остальные не смекнули, уж ты-то мог бы понять,

что ангел с виду – это не то, что ангел внутри.

Лёгман улыбнулся. Он слегка колебался. Но никто не перебил его, слово по-прежнему предоставлялось ему. И вот – осторожное, но с едва заметным бесконечным оттенком покровительственной иронии:

– Да, тетушка Армгард, вы так торопитесь. Впрочем, это как раз то, что я и так собирался сказать. Внутри она была отнюдь не ангелом. Это не значит, что она была дьяволом: не такова ее природа. По-моему, она хотела быть доброй ко всем. Она встречала своих работников, когда те возвращались с лова, она ходила с ними резать дерн, чего пасторши обычно не делают, и она ходила с ними в хоровод. Очевидно, г-ну Нильсу это пришлось не по нраву.

– Боже мой, – заметила Эллен Катрине, – в хоровод! Да разве ж это грех – хоть бы и для пасторши!

– Да – вставил соренскривер, – я тоже думаю, что если бы вы, тетушка Эллен Катрине, были бы пасторшей и пошли плясать в хороводе, из этого бы точно греха не вышло!

– А ты-то, Йохан Хендрик! Хоть разок попрдержки язык со своими колкостями! – И она погрозила ему костылем. Выражение лица у нее было одновременно напыщенное и озорное.

Но добрые глаза лёгмана блеснули лишь на долю секунды. И он продолжил:

– Разумеется, другая жена не доставляла бы г-ну Нильсу столько хлопот. Но я не хочу сказать, что в этом вина Барба-

ры. Просто выходило так: если в хороводе была Барбара, то плясать шли абсолютно все – и мужчины, и женщины.

– А никто не хочет понять, – сказала пасторша, Анна Софие, хозяйка дома, – что быть Барбарой в хороводе порой нелегко.

– Если бы Барбара сама это понимала, она бы держалась подальше от всяких хороводов, – сказала Армгард. В этот раз она все-таки стукнула кулаком по столешнице.

– Неужели так радостно вечерами просиживать дома, в Янсаджери с г-ном Нильсом и его паршивыми книжонками? – с неожиданной запальчивостью спросила Анна Софие.

– Ах, этот мир! – воскликнула Эллен Катрине и с большой задумчивостью изобразила в воздухе знак своим костылем.

Но пастор Венсель Хейде, маленький и елейный, посмотрел на свою супругу с большим неодобрением. Она была в теле, бодра, при улыбке у нее на щеках обозначались глубокие ямочки.

– Скажи-ка мне вот что, – поинтересовалась Эллен Катрине, – разве Барбара своего мужа не любила?

– Как раз любила, я вам гарантирую, – ответил лёгман, – в первое время, когда я их встречал, я не припомню, чтоб какая-нибудь жена была так ласкова со своим супругом. Она всегда желала видеть его при себе, стремилась во всем помочь ему. А во время его отъездов она очень тосковала. И он по ней тоже, очевидно, тосковал. Он никогда не желал остаться на ночлег у нас в Стайгаруре. Даже в самую сквер-

ную погоду всегда по вечерам уезжал к ней: и в дождь, и в снег, и в мороз. И так продолжалось в течение всего их брака: она не могла перенести, если он оставлял ее без внимания. Очевидно, из-за этого и произошли их первые размолвки: видит Бог, по-моему, ей хотелось, чтоб он испрашивал у нее разрешения, чтоб уйти писать проповедь.

– О да, Барбара! – произнес соренскривер. – Когда на нее найдет такой стих, она способна приревновать к самому Господу на небеси!

Лёгман улыбнулся:

– Да. Но чего она не позволяла мужу, то охотно позволяла себе самой. Потому что она-то его частенько оставляла без внимания. Как так выходило, понять сложно. Она *хотела* быть к нему доброй, в этом я уверен. Да только вот властвовать над собой Барбара не умеет. Она делает то, что пожелает в текущий миг: если ей, например, хотелось в хоро-вод, то она просто брала и шла туда. Наверно, у нее частенько сердце разрывалось при этом от жалости к мужу, – Господь знает! – но она все равно туда шла. А потом быстро забывала его. И точно так же, если подворачивалась удачная оказия в Торсхавн, то Барбара непременно считала нужным туда съездить. И порой она могла засесть здесь на недели и на месяцы – как вам, здесь живущим, прекрасно известно.

– Бесспорно! – отозвался фактор.

Лёгман посмотрел на него и на секунду задумался:

– А как она вела себя здесь – вам известно лучше, чем мне.

– Бог знает как, – ответил фактор.

Соренскривер смерил его саркастическим взглядом:

– Гм, ага, – я вижу, это дело вас интересует?

– Нет, я позаботился о том, чтоб Мельцер с «Торжества» приехал вторично. У вас ведь нет против этого возражений?

У Йохана Хендрика Хейде не было возражений. Просто выражение его лица стало еще более саркастичным.

– Ну вот, – продолжал лёгман, – и даже у себя на Воваре Барбара вела себя не как следует. И в один прекрасный день это вскрылось, даром что у нее хватало ума действовать осторожно. Я не стану перечислять здесь все, что слышал, ведь большей частью это просто сплетни. Но с некоторыми мужчинами она водила определенного рода дружбу.

Армгард до того момента долго хранила молчание – а сейчас у нее вырвалось:

– После всего, что я услышала, Самуэль, та, о ком ты рассказываешь, – просто-напросто распутница!

Фактор присвистнул:

– Отнюдь – пасторша.

– Ей-богу, – сказал Самуэль Миккельсен, – поведение у нее было приличным, и даже изысканным, как у королевы. А еще она была ко всем добра и ласкова. Как сказала недавно Анна Софие: Барбарой быть нелегко. Вокруг нее все увиваются. Она уж такая: всех обольщает – да и сама обольщается. Мне часто кажется, что она – как ребенок...

– Хорошенький ребенок: двадцати восьми лет, замужем

за пастором и самая большая бесстыдница в наших краях! – отозвалась Армгард.

– Да-да, – согласился соренскривер. – А ведь Самуэль прав. Ребенок – но этот ребенок явно опасен.

– Ах, этот мир! Да, у каждого своя история. А вот скажи-ка мне, Самуэль: сам-то пастор был каков?

– Сейчас расскажу, тетушка Эллен Катрине. Г-н Нильс был человеком исключительно честным и порядочным, по натуре мирным. Он всегда уступал, пытался закрывать на что-то глаза. Как я уже сказал, она его любила, но постепенно его податливость начала ее раздражать. Тогда он решил переменить тактику и отвечать жесткостью на жесткость. Но это лишь распалило ее упрямство. Они стали драться. Рассказывают, что однажды она запустила в него подсвечником. Постепенно пастора все начали жалеть, особенно его сторону держали слуги. И положение в Янсаджери начало становиться все запутаннее и запутаннее.

Голос лёгмана был басовитый, грубоватый. Он напоминал тихое мычание коров в стойлах или поскрипывание двери хлева на деревянных петлях. Слова казались простыми – даже простоватыми. Но на его Юпитеровом лице отражалась прекрасно сдерживаемая игра доброты, ироничности и ума.

– И вот однажды, – продолжал он, – Барбара сказала г-ну Нильсу что-то уж совсем непотребное – при всем честном народе. Насмехалась над ним и все в таком духе. Этот приличный малый не знал, что и поделать. Пытался успокоить

ее – да этим только пуще раздражил. И в конце концов она его ударила. А у них был работник по имени Кристоффер – настоящий богатырь. Он тогда не стерпел. И вот он вдруг входит, хватает Барбару и выносит из дому!

– Работник схватил пасторшу? – переспросила фру Матильде.

– Да.

– Боже мой! И что она сказала?

– А что бы она сказала? Он ее понес, как ребенка. Наверно, она опешила. А неладное почуяла лишь тогда, когда он занес ее за усадьбу. Она в его ручищах была просто былинкой. И тут он ее окунул головой в бочку со старой мочой. Да так и оставил.

– Неужели он и вправду так поступил? – начали расспрашивать все.

– Кристоффер сам мне это рассказывал, – ответил лёгман.

Тут с фру Матильде сделался небольшой припадок, и ей пришлось вынуть флакон с нюхательной солью:

– Господи! Я бы на ее месте после такого всю жизнь не смела людям на глаза показываться!

– Действительно, это было совсем конфузно, – ответил Самуэль с достоинством, посылая снисходительную улыбку бытию, которое порой отличалось такой прискорбной суровостью. – За ней же все слуги высыпали – и они от этого, прямо сказать, опешили.

И он вновь улыбнулся, совсем слабо:

– Потому что видеть пасторшу в таком положении – это, скажем так, необычно.

– А кто ее оттуда вытащил?

– Кристоффер эту бочку опрокинул, а пасторша потом уж сама выбралась.

– И тогда она стала как шелковая? – поинтересовался соренскривер.

– Она была вне себя от ярости. И услала всех слуг вон из дому на целый день. А г-н Нильс, бедняга, тогда уж испытал на себе всю мощь ее любви: он должен был помочь ей отмыться. Восемнадцать ведер воды – столько, говорят, ему пришлось натаскать для нее из реки. А дело было летом, в субботу, после полудня. И на следующий день у него проповедь в Мидвовской церкви. А Барбара... Когда слуги вернулись, она была любезна и мила, как ни в чем не бывало. Кристоффер сам пришел ко мне с повинной. Я рассудил, что ни г-н Нильс, ни Барбара не захотят судебного дела по этому случаю. Так оно и оказалось. Кристоффера я оставил у себя и от него узнал много насчет того, как обстоят дела в Янсджели.

Воцарилось ошарашенное молчание. Слышался лишь стук вязальных спиц.

– Так вот какова королева, о которой ты говоришь, – наконец сказала Армгард.

– И все равно она королева, – ответил лёгман. – Через три дня я собрался плыть на лодке в Торсхавн. Тут пришла Бар-

бара и спросила, можно ли ей со мной. Правда, тогда я сказал, что не могу ее взять, – хотя вообще не люблю отказывать кому бы то ни было. И это, кажется, ее до крайности поразило! Да, вот такая она – Барбара!

– А ведь, в сущности, удивительно, как Барбара после этой истории не сделалась еще большим посмешищем, – заметил г-н Венсель. – Казалось бы, после такого даже самая прекрасная женщина была бы совершенно уничтожена...

– А почему не наоборот? – полюбопытствовал соренскривер.

– Уф, нет! – воскликнула фру Матильде.

– Это показывает, какая она старательная, – заметила Анна Софие.

– Да она, черт возьми, просто дала людям другие поводы для разговоров, – пояснил фактор, – потому что вскоре она человека убила!

– Примерно год спустя, – смиренно поправил лёгман. – Это было в ноябре. В одно воскресенье пастор приехал к нам и читал проповедь в Сандавовской церкви. Тогда стояла оттепель и шел дождь, но днем подморозило, и на всех дорогах и тропинках сделался гололед. А пастор хотел, по своему обыкновению, вечером поехать домой. Как мы его ни отговаривали, все впустую: ему удалось настоять на своем. Ведь как бы Барбару он ни раздражал, ей все равно не нравилось, когда он заставлял ее сидеть дома в одиночестве.

– И пастор сел на коня и поскакал, – продолжил лёгман, –

а чем дело кончилось, всем известно. На Мидвовских песках конь остутился на скользком камне, г-н Нильс упал и сломал ногу. Говорят, Барбара в первое время была с ним очень ласкова и так заботливо за ним ухаживала, что казалось – они сдружились крепче, чем прежде. Но потом ей, видимо, приелось такое однообразие. Пастор шел на поправку и уже мог сидеть, положив больную ногу на стул. И вот однажды вбегает один из их работников и говорит, что к причалу пристаёт какая-то незнакомая лодка. «Это, наверно, из Торсхавна господа», – добавил он. А Барбара, до этого сидевшая с г-ном Нильсом, – порх к окну! – она же такая! – и по неосторожности опрокинула этот стул, так что больная нога пастора ударилась об пол и сломалась вторично. Тогда они отвезли пастора к торсхавнскому цирюльнику, но он только напортачил, началось воспаление, и г-н Нильс не выжил.

– Да, Самуэль, – отозвалась Армгард, – и вдова безутешно скорбела!

– Ну, насколько безутешно, не знаю, но что она горевала, все видели.

– Конечно, горевала, – сказал соренскривер. – Барбара же не чудовище какое-нибудь. Но охотно признаю: забывает она с неимоверной быстротой.

– Вот я и говорю, – ответил лёгман, – она же совсем как ребенок.

– Ох, ты бы лучше помолчал. Вы ведь взрослые люди, вам вверены судьбы страны и народа! И так дали себя ослепить!

Ребенок?! А я говорю – мерзавка: так себя вести, со всеми заигрывать!

Армгард была в ажитации.

– Скажите мне, – спросила Анна Софие, – вы когда-нибудь бывали в обществе Барбары?

Морская птица заворчала.

– Она так мила, – сказала Анна Софие.

– Она опасная женщина, – сказал фогт Фарерских островов Харме с большой вескостью.

– Да, – заметил г-н Венсель, как сказано в псалме, «в нежных бутонах – погибельный яд»²¹. Пусть Барбара будет хоть сколь угодно мила, любой христианин должен держаться подальше от женщины, которая так себя ведет.

– Под замок ее надо, – презрительно произнесла Армгард. – Ее опасно на воле держать, она повсюду сеет одни несчастья. Ее судить надо за распутство – ведь повод есть.

– Ну, – пожал плечами Йохан Хендрик, – в таком случае и многих других тоже надо судить – насколько я понимаю свет.

– О да, о да, упаси Господи! – подала голос Эллен Катрине со своей скамьи, бездвижная и радостная.

– Нет, Барбаре Бог судья, – пустился в рассуждения Йохан Хендрик. – Так уж она устроена: почти каждый человек, да

²¹ Цитата из псалма датского барочного поэта Томаса Кинго (1634–1703) «Горе и радости вместе шагают» («Sorrige og Gledje de vandre tilhaabe»), очень популярного на Фарерских островах вплоть до настоящего времени. (В 2000-х гг. одна аранжировка этого псалма исполнялась в том числе известной фарерской певицей Айвёр Паульдоттир.)

что там человек, любое живое существо, которое ее только увидит, тотчас же проникнется к ней симпатией. А она это замечает в каждом случае, даже в самом ничтожном, даже если ею всего лишь собака восхищается, сидя в уголке.

– Ну, а что, – спросила Анна Софии, – она может с этим поделаться? Ведь такова женская природа.

– Да, правда ведь? – запальчиво продолжил Йохан Хендрик. – А она женщина в такой степени, что ей жизненно необходимо, чтоб все, даже самые малые и недостойные, восхищались ею. В ней прямо-таки все жаждет победы – до сих пор было именно так. Все ее должны любить. Но как раз тут-то она и дает маху: она с этим не справляется.

– Не понимаю таких речей, – сказала Армгард.

– Это все, конечно, очень хорошо и умно сказано, – заметил фактор, – но то же самое можно выразить гораздо короче и понятнее. Барбара живет одними страстями. Вот мое совершенно недвусмысленное мнение.

Тут из рокстовы слышались женские голоса и в дверном проеме показались две женщины. При виде их г-н Поуль слегка вздрогнул: это были те две красавицы, которых он поутру видел у торговых складов в порту.

– Доннерветтер! – воскликнул комендант. Он был настолько хмелен и настолько опешил, что так и застыл в дверях кабинета с бутылкой на виду у всех.

Это было его единственным вкладом в разговор, но этого никто не заметил, потому что все глаза разом устремились

на вновь вошедших, которые щеголяли нарядами, пахли пудрой и наполняли атмосферу щебетом и улыбками.

– Да уж, вспомнишь солнышко... – произнес фогт Харме.

– Вы о нас говорили?

– Да, о тебе, Барбара, – серьезным тоном произнес соренскривер с затаенной улыбочкой.

Это ее, очевидно, обрадовало и польстило ей, она потупила глаза и издала смех: смущенный, свежий.

А г-н Поуль застыл на месте.

Две молодые женщины обошли всю гостиную и с каждым поздоровались за руку. Барбара Саллинг была довольно высокого роста, светловолосая, рот у нее был большой и алый, зубы красивые. Держала себя она с прирожденной естественностью и такой же учтивостью. Сусанна Харме была более изящна обликом и лицом гораздо более пригожа. Но блеск ее умных глаз затмевался живым переменчивым взглядом Барбары, а ее звучный голос казался монотонным по сравнению с богатыми модуляциями в голосе подруги. Казалось – посреди сухого разговора вдруг поднялась целая радуга дразнящего гомона.

Новый воварский пастор поднялся с места и, слегка сбитый с толку, поздоровался с вдовой своего предшественника. Он был ошеломлен, ослеплен. Барбара обменялась с ним рукопожатиями, не сосредоточивая на нем внимания, но ее естественность была столь совершенна, что это подействовало на него успокаивающе. Лёгман послал ей улыбку из тихой

глуби своего добродушия, г-н Венсель был вежлив, хотя, в силу своей причастности к Небесам, немного замкнут, Анна Софии оживилась, фактор был галантен чуть ли не до назойливости. А его малокровная супруга, фру Матильде, сидела, вытаращив глаза, и пожирала ими Барбару и все ее манеры и поступки с самым неистовым любопытством во взгляде. Правда, этого никто не заметил: все внимание было обращено на Барбару.

А Барбара заприметила вязание Армгард и очень заинтересовалась:

– Это не свитер... ах, платок, шаль? И узор какой занятный!

Армгард пришлось объяснить, каким он получится; она стала показывать спицей.

– Красиво выйдет! – в глазах Барбары появилось выражение оживленного предвкушения того, какой у Армгард получится платок, когда она его наконец довяжет.

Лицо Армгард подобрело, ее сжатые губы начали расплываться в улыбке, так что даже стали видны обломки зубов, – и наконец она подарила Барбаре взгляд, в котором было столько нежности, сколько вообще можно ожидать от чайки. И они вдвоем принялись обсуждать лицевую и изнаночную стороны платка.

Престарелая Эллен Катрине на своей скамье пожелала как следует рассмотреть Барбару. Она с ней никогда раньше не разговаривала: она жила на большом хуторе на Эстурое – Во-

сточном острове и редко выбиралась в Хавн. Она долго не отпускала руку молодой женщины: «Стало быть, это Барбара; так вот, значит, как вы выглядите!» – Ее старые глаза были преисполнены внимания.

Барбара, пока ее разглядывали, сильно смутилась, она то поднимала, то опускала глаза, сейчас ее взгляд был до смешного неуверенным. Она покраснела.

– Да, – наконец заключила старуха, – вы пригожи, как я и ожидала. Христос благослови вас! Ах, этот мир!..

Барбара зашла только затем, чтоб спросить фогта, не при-были ли с «Фортуной» письма для ее матери. Она ходила к нему в контору, но не застала на месте. Там ей сказали, что он в городе. Она взяла с собой Сусанну. Ну, слава Богу, они нашли фогта на Рейне. Но, ой, нет, для мадам Саллинг писем не пришло, сказал фогт. «Да мы только это и хотели узнать», – и обе женщины вышли.

Соренскривер попрощался с Барбарой в довольно язвительном тоне, который они оба мало-помалу договорились расценивать как своего рода ухаживание. Она ответила ему взглядом, который можно было бы истолковать так: «Да, ты единственный, кто меня полностью понимает, и ты меня ценишь!» – Ему это даже понравилось. Но – кто знает, может, она также благодарила и фактора за галантность каким-нибудь особым выражением лица, которое говорило, что именно он – единственный или избранный.

Да уж, такова Барбара – у нее со всеми были какие-то ми-

лые секреты – большие или малые.

– Как же она прелестна, – сказала Эллен Катрине. – Может, в том, что вы говорите, и есть доля правды, но вы уверены, что г-н Нильс был для нее подходящей парой?

– Нет, – ответил соренскривер с легкой улыбкой, – но кто ей вообще пара?

И он задумчиво погладил себя по подбородку, по своей привычке. Присутствующие начали то и дело забегать в кабинет. Лёгман снова побывал там и степенно ходил взад-вперед, серьезно и тихо, с обновленным видом. На улице смеркалось. Задождало. Мужчины все как один решили сходить в Торговую Монополию и посмотреть товары. Этот вечер сулил столько влаги, что не сразу и просохнешь. Спицы Армгард снова яростно задвигались над узором, на краткий миг пробудившим у Барбары такое радостное предвкушение.

Таков был первый день г-на Поуля в Торсхавне.

Радость в кредит

Погода по-прежнему стояла дождливая.

Г-н Педер Аггерсё предпринял в одиночестве небольшую прогулку по улицам, но не нашел ничего, способного развеять в его сердце ту тоску, в которую оно оказалось ввергнуто при первом взгляде на этот мрачный убогий городишко.

Он сам не ожидал от себя такого: вешать голову было не в его нраве. Он был человеком жизнерадостным, и в его бытии до сей поры было много моментов, в воспоминаниях о которых его сердце черпало силу в часы одиночества. В бытность свою студиязусом, зачисленным в общежитие Борка²², а также после выпуска он был удостоен различных похвал за успехи в теологических дисциплинах, и эта оценка была ему небезразлична. Он был убежден, что на духовном поприще от него ждут многого, и даже отправка на Фарерские острова воспринималась им как исполненная глубокого значения миссия. Нет, он был не из числа тех ненасытных пареньков со скромной оценкой «*haud illaud*»²³, годившихся только для

²² «Общежитие Борка» – Borchs Kollegium (по имени основателя – Оле Борк, официальное название Collegium Mediceum) – одно из старейших студенческих общежитий Копенгагена, основанное в 1689 г., изначально предназначавшееся для способных, но малоимущих студентов Копенгагенского университета.

²³ Сокращение от *лат.* «*haud illaudabilis*», букв. «не совсем недостойный похвалы» – в эпоху действия романа такая оценка в датских высших учебных заведениях соответствовала оценке «удовлетворительно».

службы в крошечном приходе где-нибудь в Финнмарке или в Гренландии²⁴. А его вызвал к себе сам епископ и *попросил* принять Воварский приход. Нет, разумеется, это не означает поражения в правах, конечно, после этого его будут переводить и в другие приходы! Но епископ выяснил, что в духовном сословии на Фарерских островах ситуация оставляет желать лучшего, и к тому же ему поступила жалоба от тамошнего пробста Андерса Морсинга. И сейчас он надеялся, что, если послать на острова двух лучших представителей молодежи, это вдохнет в фарерское духовенство свежие силы и достойным пасторам послужит поддержкой, а плохим – примером для подражания.

Когда Поуль Аггерсё, окончив разговор с епископом, вновь вышел на улицу, предвечернее солнце как раз бросило свет на поднебесный позолоченный шпиль церкви Богоматери. Ее колокольня вздымалась – многоэтажная, многоярусная, внизу четырехугольная и закрытая, а кверху восьмигранная, расцветающая, тянущаяся ввысь, сегмент за сегментом, в неустанном, головокружительном стремлении к небесам, пока наконец не оканчивалась – подобно арии, завершающейся на высокой ноте, – длинным шпилем с тремя

²⁴ В минувшие века обычной практикой государственной датской церкви было посылать в окраинные владения датского королевства (Исландию, Фарерские острова, Гренландию, дальние регионы Норвегии) священников, наименее способных или отличающихся недостойным поведением. (Например, в исландских исторических романах о XVII–XIX вв. пасторы-датчане часто описаны как пьяницы.)

пламенеющими коронами на высоте 350 футов над землей²⁵. Это было величественное, роскошное зрелище, которым он любовался каждодневно, – и вдруг он ясно осознал, как тяжело ему будет покидать Копенгаген. Ведь хотя сам он был родом из деревни, но все больше и больше прикипал сердцем к этому городу, в котором обрел все, что радовало его душу.

Он жаждал блеска и праздничности – но и чести. Его душа ликовала, когда он слушал церковное пение и игру органа, – но также ходил и в театр, и в оперу. И в маскарадах он участвовал – правда, порой его посещали сомнения, пристало ли такое человеку, вознамерившемуся служить Господу. А служить Господу он желал – хотя в порывах честности и сам ощущал, что – ах! – его пылкая щедрая натура слишком уж от мира сего.

Однако он был молод и до сих пор хорошо ладил с Богом. Да, Господь помогал ему: он щедро наделил его талантами, милосердно поддерживал его в трудолюбии и прилежании, вел его к вершинам учености. И то, что его посылают в этот приход на Фарерах, можно было назвать не чем иным, как особым отличием, ведь это не простой приход – скорее, его следовало считать крутой ступенькой на пути благодати, которая – пусть сейчас ему и трудно – впоследствии даст ему продвинуться дальше.

²⁵ В начале XVIII в. вид церкви Богородицы сильно отличался от нынешнего: после разрушительного пожара в Копенгагене в 1728 г. и потом после английских бомбардировок в 1807 г. она сильно пострадала и была полностью перестроена в другом архитектурном стиле.

Но именно трудность предприятия лишь раззадоривала его. Может, он неженка, ленивая и слабая личность? Да ничего подобного! У него есть силы, и он хочет их испытать. Правда, раньше он не мыслил себя в роли проповедника, его сильной стороной была ученость. Но в конце концов ему скорее придется не читать проповеди, а восстанавливать порядок, спокойствие и благонравие, как раз для этого-то его туда и посылали, и на это он, если честно, был готов отдать все свои силы. Вести о его деяниях в будущем дойдут до самой резиденции епископа в Копенгагене.

Но при этом он не собирался забывать, что его собственная честь лишь служит чести Господа! Так он воспламенил свою душу, когда на следующий день слушал богослужение в церкви Богоматери, где вся блистательная паства пела великий псалом Кинго «Прощай, о земля!», – и тут его сердце распахнулось как никогда прежде, и он с пылающей душой распрощался со столичным блеском и роскошью, чтобы, подобно воину божьему, отправиться на далекие Фареры. Да, в груди у него бушевало пламя, когда он, под торжественную игру органной трубы, вышел из церкви. Лучи солнца неравномерными полосами пробивались между массивными колоннами трехчастного нефа церкви. Укрепившись духом, он выступил из толпы у подножия колокольни. И воля его была неколебима и пряма, как этот шпиль, высоко над его головой тянущийся к небесам.

Но в тот миг он не обратил внимания на то, что в его серд-

це закралась крошечная мыслишка. А именно: не *все* в этом городе удерживало его. Напротив, кое-что даже и отталкивало. То была Лусие Гемюнтер, добропорядочная дочь зажиточного купца.

В какой-то момент она запала ему в душу, и он решил, что это, пожалуй, может далеко зайти. Но потом и самой Лусие пришла та же мысль, она настолько крепко влюбилась в Поуля Аггерсё, что он начал отворачиваться от нее: она изводила его своим упорством и своими чувствами, которые скоро стали для него чем-то вроде приевшейся мелодии. Он обрушивал на самого себя упреки, но ему только становилось все яснее: он ее не любит. Ведь она была подобна ядовитому плющу, собирающемуся обвиться вокруг него, как вокруг ствола, и буквально задушить его своей преданностью. А ему этого не хотелось. Он желал быть лишь самым собой, Поулем Аггерсё, а чужая привязанность сковывала его и ложилась на него бременем.

В день его отъезда Лусие плакала, а он почувствовал радость и облегчение, когда корабль распустил паруса и она скрылась из виду. Плавание прошло хорошо, лишь под конец, когда они уже приближались к цели, начало штормить. В день, когда на горизонте показалась земля, у г-на Поуля в глазах все еще стоял блеск копенгагенских башен и шпилей. Но в то убогое утро, когда он впервые увидел Торсхавн (да, это было только вчера, а ему уже казалось, что целую вечность назад!), у него из сердца словно бы высосали всю

радость и мужество.

Здесь он бродил при дожде среди трухлявых, худо просмоленных деревянных домишек. Постоянно сидеть в пасторском жилище было для него нестерпимым. Его коллега Венсель Хейде, любезно предоставивший ему кров, был образованным человеком, магистром, но когда г-н Поуль завел речь о богословских материях и дал понять, что и он не чужд книжных премудростей, то магистра Венселя это как будто огорчило. Впрочем, недружелюбия он не проявлял – но был малообщителен, а в его водянисто-голубых глазах постоянно набегали тучи, словно все видимые и невидимые вещи беспрестанно раздражали и обижали его.

Г-н Поуль хотел повидать свое начальство – пробста Андерса Морсинга, но тот был на Несе на Восточном острове. Г-н Поуль завел разговор о поездке туда, но все заверили его, что это был бы напрасный труд, потому что сам пробст через пару дней наверняка приедет в Торсхавн.

О, небо, что же тогда делать г-ну Поулю! Фогту и соренскриверу он уже нанес визиты; фогт был эдаким индюком – бывшим таможенным писарем, а соренскривер – брюзгой, чудачком и атеистом, с которым г-н Поуль был не согласен по всем пунктам; лёгман, гостивший в Хавне, был кротким, одержимым вечной жаждой волом себе на уме, фактор – балабол, старая Армгард и престарелая Эллен Катрине со своим костылем – ах, упаси Господь! А еще – что? О, Боже, Боже – в этом Торсхавне! Или в «Хавне», как его все здесь на-

зывали.

И все же всякий раз, когда г-н Поуль брал свою черную, отяжелевшую от влаги шляпу и выходил под вечный дождь, у него возникала крошечная надежда, что рано или поздно он встретит что-нибудь светлое, веселое, радость среди мглы. Ведь он знал, что даже здесь, где-нибудь в этом лабиринте узких улочек, усадеб и мусорных куч, найдется потаенный уголок, где обитают красота и очарование. Он не скрывал от самого себя, что не прочь был бы вновь увидеть ее – вдову предшественника из своего собственного прихода. Не то чтобы у него были какие-то особые намерения – упаси Бог! Он уже видел, какую опасную констелляцию построила судьба между ним и ею. Но хотя это и беспокоило его, в своем огорчении он находил для себя маленькую радость. Его мысли заигрывали с Барбарой. Может, она вовсе и не такая блистательная. Однако – стоит солнцу закатиться, как звезды обретают яркость.

* * *

Помощь неожиданно пришла не от кого иного, как от Анны Софии, супруги г-на Венслея.

Когда пастор однажды днем вознамерился выйти, она спросила, нанес ли он уже визит мадам Саллинг, вдове предшественника. Потому что, мол, она все же думает...

Это была одна из тех вещей, с которыми в течение дня

сталкивался г-н Венсель. Его щеки зарделись румянцем, глаза засверкали беспомощно и обиженно:

– Г-н Поуль, – изрек он, – пусть сам решит, что сочтет уместным. А что касается Барбары... то есть мадам Саллинг, то здесь никаких тайн нет.

– Ради Магдалене! – ответила Анна Софие, которую совершенно не тронула эта речь. И добавила: – Да, Магдалене – это ее мать, мадам Стенероп. По-моему, ради нее непременно надо нанести этот визит! Ведь если о них позабыть, ей это очень не понравится! Боже мой, *она* же не сможет...

– Ну да, – произнес магистр Венсель, уступая ей, и вид у него стал еще более обиженным. – Мадам Стенероп действительно... ее действительно будет жаль.

Г-н Поуль попросил мадам Анну Софие объяснить ему дорогу. Это совсем просто: возле улицы Гонджин, в доме под названием Новая Горница, прямо за фогтовым домом – вот оно где!

Она произнесла это с едва заметной улыбкой. Во всей ее манере было что-то задушевное, но вместе с тем лукавое. Как будто ей его мысли были известны лучше, чем ему самому. Но г-н Венсель по-прежнему выглядел обиженным. Может, *ему* легкий нрав его супруги был известен более, чем ей самой. Может, он слишком хорошо знал ее.

В Новой Горнице г-на Поуля приняла мадам Магдалене Стенероп, но он не почувствовал, чтоб его визит привел ее в особый восторг. Скорее в ее приветствии ему читалась горь-

кая покорность судьбе. Какие именно слова она сказала ему, он потом не помнил, но произнесены они были с усталой привычностью, словно она давала понять, что для нее видеть нового пастора в своем доме – псалом, слишком хорошо известный.

Но все это он тотчас позабыл, увидев, какой нескрываемой радостью озарилось лицо Барбары, когда он вошел в комнату. Да, она ни капли не притворялась. В ее голосе – теплом искристом фальцете – пробивались нотки чисто детского ликования, словно она – ну наконец-то! – выиграла в долгой интересной игре, в то время как другие, может быть, сомневались, что способна выиграть, например, Габриэль, который тоже сидел в гостиной, монсеньор Габриэль Хансен, а может, больше всего – сам г-н Поуль.

И он это почувствовал. Ведь она словно прямо сказала ему: «Ага, вот ты и не смог дольше терпеть!» Но от этого он не испытывал ни малейшего конфуза. Ведь в то же время она словно говорила: «Как хорошо, что ты пришел! Ты сам это понимаешь?» Она была так естественна, так благопристойна, что на душе у него тотчас стало спокойно и хорошо, он как будто заразился ее нравом. Все было таким веселым и простым.

Но Габриэль, от чьего бдительного взора не ускользнуло, как прошла их встреча, – был невесел. И то, как Барбара бросается навстречу этому чужаку, не казалось ему ни естественным, ни благопристойным. Не потому, что это хоть в

чем-то было неожиданностью. Он уже вчера произвел свою оценку этого нового воварского пастора и увидел, что это человек со своим лицом, темноволосый и довольно крепкий, очень непохожий на покойного г-на Нильса. Так что было во всех отношениях ясно, как Барбара поведет себя... Правда, для нее внешность мужчин была скорее безразлична, лишь бы только они... — да черт знает, что такого она вообще находила в некоторых из них! — в общем, лишь бы только они были мужского пола!

Они уселись за высокобленный добела стол, все, за исключением Магдалене, которая, с озабоченным выражением лица, под каким-то предлогом вышла из комнаты. Барбара сидела и шила. Но ее живые глаза были обращены не на шитье, — их переменчивый зеленоватый блеск падал на все, — а в этот момент в основном на Габриэля. Может, ей было и неизвестно, что он думал — зато она знала, что он чувствует, — такой она была чуткой. Когда она сидела вот так между двоими мужчинами, то слышала, в каком ритме бьются сердца у обоих. И она могла играть на них, как на двух инструментах на два голоса. Сейчас Габриэля надо было немного утешить и подбодрить. Она заговорила с ним, принялась расспрашивать о том о сем и очень внимательно выслушивала его ответы. За это время Барбара лишь три раза посмотрела на г-на Поуля и всякий раз очень быстро потупляла взор.

Г-н Поулю, который весь день ощущал, что прозябает в крошечной мгле, разом показалось, что он очутился на яр-

ком свету. Это ощущение возникло не только из-за белой столешницы, белого шитья у Барбары и ее очень белых теплых рук – но сами эти глаза сияли так ярко, что ей приходилось отводить их после каждого взгляда. Они как будто проявляли чрезмерную откровенность, а потом сами же стыдились этого.

Поначалу эти взгляды были весьма приятны г-ну Поулю, пока он не смекнул, что они были больше рассчитаны на Габриэля, чем на него самого. Также от него не ускользнуло, как она несколько раз улыбнулась довольной улыбкой: уголки длинных алых губ изогнулись, образовав на щеках глубокие впадины. Г-н Поуль толком не понял, о чем шел разговор, – очевидно, в словах Габриэля были какие-то скрытые намеки, которые были отнюдь не противны Барбаре. Но сам он мало-помалу начал ощущать себя лишним.

И все же тотчас после этого пришло и его время, – когда Барбара серьезно и очень заинтересованно принялась расспрашивать его о плавании, о его студиях, о выпускной проповеди и о множестве других вещей, относящихся к его пасторской карьере. Оказалось, ей знакомы имена многих профессоров. «Да, ее дерзость просто переходит все границы! – думал Габриэль. – Ведь что может Барбара понимать в таких вещах!» И тем не менее она продолжала разговор, словно у нее всю жизнь в голове существовали лишь мысли, подобающие пасторше, и наконец спросила г-на Поуля, не встречался ли он когда-нибудь с ее покойным мужем, г-ном Нильсом.

«Вот это бесстыдство, черт возьми!» – подумал Габриэль. Его злило, что поблизости не было никого, кого он мог бы взять в свидетели ее лицемерию.

Но для г-на Поуля все было так, словно он впервые в этом краю повстречал собеседника, способного самозабвенно слушать его, и он свободно и честно рассказал обо всем, и это было для него бальзамом на душу. Ведь хотя он прекрасно понимал, что подобные материи сами по себе вряд ли будут подходящей темой для женщины вроде Барбары, по ее лицу и глазам он видел ее живой интерес и внимание к мельчайшим изменениям его выражения, и в этот миг его посетила мысль, показавшаяся ему верной: что в разговоре с особами слабого пола тема – только предлог, а существенна лишь радость от стояния лицом к лицу, когда взоры встречаются, голоса смешиваются и души соприкасаются. А душа Барбары, которая говорила сквозь ее зелено-золотистые глаза, сильно тронула его; порой она смущалась и отшатывалась, но тотчас возвращалась и играла перед ним, и грелась в лучах его внимательного пылкого взгляда. Уголки ее рта вновь поползли вверх, она прислушивалась, словно к редкостному наигрышу, а ведь в том, что он рассказывал, темой были всего лишь пасторы да приходы, хотя на самом деле в этом была длинная сольная ария из глубин его мужской сущности. И эта ария была услышана.

И тут глаза Барбары внезапно начали убегать в сторону Габриэля. Она потупилась, метнула на него единственный

быстрый взор и еле слышно хихикнула. Слова едва не застряли в горле у г-на Поуля. Что сейчас произошло? Габриэль что-то сделал, что-то сказал? Вмешался в их концерт? Барбара рьяно принялась шить, не поднимая глаз от шитья.

– Это наволочка, – тихо произнесла она.

Но было заметно, что ее раздражает смех. Габриэль устался на нее и жег ее взглядом.

– Наволочка это! – упрямо повторила она. Ее голос сорвался на фальцет, под конец переходящий в свистящий звук между вздохом и смехом.

Г-ну Поулю стало не по себе. Он ничегошеньки не понял. Вначале он думал, что сейчас смеются над ним, но вскоре понял, что это не так. И все же ему пришлось не по нраву эта новая озорная игра между Барбарой и Габриэлем, которая перебила и сделала ненужным его собственный рассказ.

Тут Габриэль потянул за шитье. Барбара, для виду защищаясь, шлепнула его по пальцам, но это не остановило его, и он вытащил всю белую ткань на стол. Тут она вдруг сдалась и сказала с явно наигранной сердитостью: «Ох, и дурачок же ты, Габриэль! Ну да, сорочка это! Ей-богу, как будто ты никогда сорочки не видел!»

На толстом лице Габриэля читалась дерзость, по нему было ясно, что он развлекается напропалую.

– Нет, почему, видел, – ответил он, – но *такой* изящной – точно никогда. А кто будет?..

Но тут Барбара вдруг залилась пунцовой краской до са-

мой шеи. Ей случилось всего на секунду бросить взгляд на г-на Поуля – и никогда она не отводила его так быстро. Габриэль заметил, что что-то произошло, и вдруг понял всю ситуацию. Черт, опять он сплеховал! Г-н Поуль и Барбара хранили молчание, говорил лишь он один, и все равно он понимал, что в этот миг он даже меньше, чем ничто. Этот миг был для него непереносим. И он сказал, что сейчас ему придется уйти.

– Ты хочешь уйти? – задала Барбара вопрос в пространство.

– Да-да. В лавку, – сказал Габриэль. Как раз в эти дни он был очень занят.

Да и г-н Поуль начал собираться. Он пробормотал что-то насчет того, что, наверно, пора и ему восвояси. Но тут Барбара вдруг снова обрела дар речи и громко заговорила из глубин своего смущения. Нет-нет! Ради Бога, пусть не уходит! Ее мать сейчас как раз для него кофе варит! А она с ним еще толком и не поговорила, хотя ей очень, очень хочется! У нее просто так много хлопот по дому. Ради Бога, пусть он не уходит!

Габриэль, стоявший уже в прихожей, просунул голову в комнату и сказал, указывая рукой на шитье: «Да, до свидания – и желаю удачно дошить свадебную сорочку!»

Барбара засмеялась. В ее горле поднялся смешок, который одновременно был и вздохом: «Ах, Габриэль, что ты говоришь!»

Она проводила его до выхода и немного постояла на дожде, и ее переполняла радость. Затем она снова вошла в дом к г-ну Поулю – новому г-ну Поулю. А когда начало смеркаться, она распорядилась, чтоб зажгли свечу.

* * *

Меланхолия г-на Поуля после этого визита превратилась в тихую бодрость. Возвращаясь от Барбары, он брел по темному городку, словно освобожденный, и желал лишь подольше побыть наедине со своей радостью. Дождь как раз ненадолго перестал. Он свернул в ветреный проулок, ведущий к воде. Там он встал, укрывшись от ветра за лодочным сараем, чтоб собраться с мыслями и попробовать прояснить себе, в чем его новообретенное счастье. Но через некоторое время ощутил, что не он один в этот вечерний час пришел к берегу моря со своими думами. Из мглы вынырнула одинокая фигура, они обменялись приветствиями, то был Габриэль.

Его не расстроило, что это именно Габриэль. Хотя тот существенно стеснял его во время его разговора с мадам Барбарой, все же он был одним из участников самой приятной сцены, которую пастор пережил с самого своего приезда в эти края, и даже если Габриэль и напоминал плута, то наверняка он был веселым Скапеном и с ним было бы полезно поговорить.

Габриэль как раз оказался дружелюбным, открытым, и

язык у него был неплохо подвешен. Они разговаривали обо всем, что касалось Хавна и окрестных краев, и Габриэль рассказывал о многих горожанах курьезные вещи, заставлявшие г-на Поуля хохотать. Но поскольку в разговоре они оба избегали упоминать определенную личность, им обоим по этой причине становилось все яснее, что именно вокруг нее и крутятся мысли у них обоих, – и когда они наконец коснулись этой темы, тон у Габриэля стал растаявшим и расчувствовавшимся.

– Вы говорите, в такую можно влюбиться! Но видели бы ее, когда ей было восемнадцать и она была совершенно невинна. Вот тогда Барбара была мила!

– Могу себе представить, – ответил г-н Поуль.

– Ну да, – сказал Габриэль. – К сожалению, она совершенно испортилась. Бог свидетель, это прискорбно!

– Я уже что-то на этот счет слышал, – сказал г-н Поуль. – Значит, в этом, наверно, есть доля правды, хотя у меня не получается связать это с ее натурой, которая мне кажется весьма воспитанной и благопристойной, – а не как обычно ожидаешь от подобной женщины.

– Ах, она полна... Если бы вы ее как следует знали, вы сочли бы отвратительным... Она пускает в ход много... всяких таких фокусов, стоит ей завидеть незнакомца.

– Фокусов? – засомневался г-н Поуль. Он вспомнил взгляд Барбары, который лучился так, что ей все время приходилось его опускать. – Напротив, – продолжил он, – мне

показалось, она совершенно естественна.

Габриэль тихонько фыркнул:

– А глаза-то! Да уж, она хороша! Я вам сейчас скажу одну вещь, Бог свидетель, это правда: порой человеку даже стыдно, что она с ним в родстве. Ведь иногда она ведет себя как настоящая... настоящая... как потаскушка, вот!

– Ну, я об этом судить не могу, – промямлил пастор. – Я просто слышу, что люди говорят. Но мне показалось, ее в основном старики критикуют.

– Да вся молодежь, которая с нею связывалась!

– Ну, я со своей стороны, – сказал пастор, – видел от нее одно лишь красивое и приличное.

– Упаси Господь! На меня она тоже не в силах повлиять, – с солидностью заметил Габриэль, – я ее для этого слишком хорошо знаю... все ее ужимки и фокусы. На самом деле это смеха достойно... Если бы мы с ней не были родней! Но я вот что хочу вам сказать, – заключил он, – она страстная – вот она какая!

Ха-ха, подумал г-н Поуль, когда они разошлись. Не так уж на этого Габриэля она «не в силах повлиять», как он притворяется. – Самому г-ну Поулю пришлось признать, что этот разговор на него как раз «повлиял». И его радость от Торсхавна и всего этого безутешного края не стала меньше. И это весьма удивляло его, ведь Габриэль сказал только то, что могло омрачить его приятное ощущение от визита в Новую Горницу. Но сейчас он лишь почувствовал, что приятное

ощущение стало сильнее.

Впоследствии ни дня не проходило без того, чтоб он не видел Барбару, и каждая новая встреча лишь увеличивала его счастье. Он и сам не знал, что об этом думать. Он не сомневался, что об этой женщине идет дурная слава. И здесь он не нуждался в разъяснениях Габриэля, а мог бы сам дать ей оценку. То, как ее присутствие действовало на всех мужчин, буквально бросалось в глаза. Она не делала и не говорила ничего предосудительного – отнюдь! Но иначе и быть не могло. Может, она и сама ничего не могла с этим поделать. Она была всем приятна, а пути ее были неисповедимы.

О небеса, да что мог он, пастор, человек, долженствующий служить всем примером, – иметь с подобной женщиной! Он уже ясно видел, какие силки расставила для него судьба. Но он ее не боялся. Он уже понимал, что ему *нужно* избегать ее, – но вместо того он скорее искал ее. Его сердце было глубоко польщено. Его чувства были ослеплены взглядами ее зеленых глаз, взбудоражены ее искристым голосом. И этот черный промокший поселок с его пакгаузами и рябинами и этой жалкой крепостишкой – это место, в начале служившее для него лишь причиной для меланхолии, сейчас виделось ему в радужной перспективе.

Но оказалось, что эта радость была только взята им в кредит, и с каждым днем, проходящим таким образом, ее стоимость лишь возрастала. И когда придет час расчета, он должен понимать, как ему расплачиваться. Он не сомневался,

что ему хватит чем заплатить, даже если цена окажется высокой. До сих пор он никогда не сомневался в себе, он привык плыть, распустив паруса.

На пятый день прибыл на лодке из Неса пробст, г-н Андерс Морсинг. Г-н Поуль слышал, что этот человек когда-то был обручен с Барбарой, но порвал с ней еще до свадьбы. Последнее при взгляде на него казалось правдоподобным. Он был человеком солидным, высокого роста, с резкими чертами лица. Разве мог он вести с Барбарой игру взглядов? Его собственные взоры были как сталь, такие чересчур синие и твердые, что его собеседнику казалось, будто они пронзают самые глубины его совести. Но на его устах играла легкая улыбка, одновременно суровая и милая.

Едва г-н Поуль увидел его, как почувствовал, что его призывали к порядку. Он в одночасье вернулся снова в прошлое. Пробст сидел, держа в одной руке развернутое письмо от епископа, и пристально смотрел на собеседника.

– Гм, – сказал он. – Как вы и сами знаете, на ваш счет существуют определенные *ожидания*. В наших краях не так, как в других местах. Здесь *следовало* бы, чтоб пасторы служили для прихожан примером благочестия и христианской жизни, – только *бывает* зачастую наоборот! Я не буду называть имен, но у нас – то есть у вас и у меня! – есть парочка братьев, которым остается пожелать, чтоб они обладали хотя бы половиной того благочестия, каким обладает их собственная паства! Поэтому мы возлагаем на молодых пасто-

ров надежды, что они сделаны из другого теста.

Он нацелил свой взгляд прямо в лицо г-ну Поулю:

– Понимаете, дело не в том, чтоб проглотить столько-то толстых книг или поучаствовать в стольких-то христианских движениях, кои пышным цветом расцветают в наши дни, – все эти слезливые сентиментальности и субтильные душевности! Я хочу раз и навсегда сказать вам то, что я, впрочем, уже говорил: в том, что касается твердости веры, неколебимой как скала, и настоящей преданности Господу, скорее мы должны учиться у этого народа, чем народ может научиться от нас. Я имею в виду в основном сельское население. Торсхавнцы... их не стоит здесь брать в расчет. Что именно сейчас важнее всего для нас, пасторов, – это не громче всех голосить во время проповеди, а попросту в своей жизни быть достойным своего призвания, чтоб нам в смирении и преданности служить, просвещать и направлять наших прихожан в заповедях и добронравии, чтоб заслужить хоть немного того безграничного доверия, которое они испытывают к нам.

Пробст пару раз легонько стукнул по столешнице, его уста излучали улыбочивость и энергичность, а вот глаза были суховы.

– Да, кстати, а еще, – продолжал он, – вы и сами имеете очи, чтобы видеть. И вы быстро поймете, что вам делать.

На все это г-н Поуль мог ответить лишь «да» и «аминь». Он попытался произнести пару слов, но они показались ему какими-то тощими и безразличными.

– А сейчас вы можете как можно скорее отправиться в ваш приход, – заключил г-н Андерс.

Г-н Поуль ответил, что ему предложили уехать вместе с лёгманом, который как раз собирался возвращаться на свой хутор.

– Гм, – улыбнулся пробст, – значит, вы поедете в ваш приход в хорошей компании. Да-да. Всем Самуэль Миккельсен хорош! Но он редко выезжает в тот же день, когда седлает, – когда он гостит в Хавне. Ладно, тут уж вы берегитесь. Я рекомендую вам во всех смыслах беречься!

Г-н Андерс еще раз пристально посмотрел на него – и поднялся.

Г-н Поуль был ошеломлен. Он чувствовал себя почти так, словно разом крестился и конфирмовался снова. Этот пробст был как огромная порция одновременно грубой и пряной водки. Ладно, время пришло! С каким-то весельем он подумал, что при первой же возможности вырвется из Торсхавна, распрощается с ним и начнет работу. Это пока еще нетрудно. Он пошел к лёгману, чтоб договориться насчет поездки. В тот день была суббота.

Оставшуюся часть дня он помнил резкие, испытующие взгляды пробста Андерса, светившие в самую глубину его совести и призывавшие его к порядку. Но в промежутках перед его внутренним взором также вставали зелено-золотистые лучистые глаза Барбары, которые ей постоянно приходилось потуплять, потому что они знали слишком много о

тайне, которую нельзя выдавать, и даже думать о ней нельзя, но благодаря которой ее уста изгибались в милой приятной улыбке, оставлявшей на ее щеках ямочки. Лукавая вечная тайна, которая была у Барбары со всеми мужчинами.

Прощай, о земля!

Церковные колокола на Рейне звали на богослужение. У них был мягкий звук, порхавший над крышами. Но колокольня, на которой они висели, выглядела мрачно и от ветхости была вот-вот готова рухнуть. От движения она подрагивала. В деревянной постройке колокола похрипывали и повизгивали, и этот жалобный призыв смешивался с порхающе-легким звоном, разносившимся по всему городу.

Прежняя буря и дождь превратились в тихий морозец. Уличная грязь затвердела, обрела острые гребни, а лужи замерзли и стали звонким льдом. Солнце светило бледно в это двадцать шестое воскресенье от Троицы.

Церковь была мала. С каждой стороны там насчитывалось тринадцать рядов сидений, а над входом располагалась небольшая галерея. Между голыми деревянными стенами царил лютый холод. Потолка не было, виднелись массивные балки и стропила.

Начали сходиться малоимущие обитатели Торсхавна. На женщинах были черные шали и платки. Они входили, сжав губы и неся в руках сборник псалмов Кинго. За ними шли мужчины, слегка робея, хмуро и упорно держась на заднем плане. Немногие из них, те, кто пришел отдельно, поднимались на галерею. Они – и Самуэль с Подъемника, и Нильс с Пятачка, были героями лишь в быту. А здесь, у святыни,

главенствовать должны были бабы.

Пришли и благородные – «чистая публика». Они имели в церкви свои постоянные места, и это было их право, нарушить которое не смел никто из простонародья. Пришел фогт Харме и расселся на переднем ряду вместе со своей дочерью Сусанной. В том же ряду было место соренскривера, которое до сих пор занимала его вдова, мадам Стенероп, и пасторское место, где уселись сестры Армгард и Эллен Катрин – как родственницы и гости г-на Венселя. На этой скамье разместился и г-н Поуль.

И многие другие имели постоянные места: и мадам Дрейер, и Сьюр Арентсен, и старая йомфру²⁶ Клейн. Они были люди солидные и вносили за свои места плату. Это было предметом их гордости, указанием на благородство, возвышавшим их над толпой, и это едва уловимо отражалось на их лицах, когда они рассаживались.

Но всех пришедших в церковь объединяло одно: в студенном воздухе их дыхание стояло, подобно серым облачкам.

Г-н Поуль сидел и вспоминал все свои визиты в церковь Богоматери в Копенгагене, всю галантную сутолоку карет, портшезов и лакеев у ворот, хлопающих дверцами экипажей, нарядную толпу «чистой публики» и простых горожан, благодушно и чинно скользивших между колоннами через три нефа одинаковой вышины, пока орган торжественно играл прелюдию, рокоча под сводами храма. Ах, а здесь, в Хавне,

²⁶ Обращение к незамужней особе.

лишь жалкий сгорбленный дьячок хрипло выводил входную молитву. И в это время под стропилами было тихо: ни привычного кашля, ни сморкания.

Но как раз тут вошла Барбара, торопливо и тихо, и посела на соренскриверское место к своей матери – подобно последнему живому отблеску мира и мирской жизни, перед тем как грянул тяжко-серьезный псалом.

Соренскривер Йохан Хендрик Хейде в тот день пришел в церковь одновременно с фогтом и его дочерью. Он поздоровался с ними, перекинулся парой замечаний, поулыбался, – но, когда они вошли в придел, он не проследовал вместе с ними к своему сиденью, а вместо того поплелся на галерею.

Почему он так сделал? Сам по себе он ничего не имел против них, но в тот момент что-то их разделяло. Они говорили по-датски. Что ж, это их язык. Йохан Хендрик не питал отвращения ни к чему датскому, он сам часто жил в Дании, его род имел датские корни. Ему бы показалось нелепым, если бы люди вроде фактора или фогта вдруг заговорили по-фарерски. И все же – здесь, на родной почве, среди фарерского простонародья, этот легко бегущий язык был нарушением тона. Это слегка раздражало его, как игра на инструменте над ухом. Сам он был настроен в той же тональности, что и народ. Оттого ему претило садиться в первом ряду; он предпочитал оставаться на заднем плане, на галерее. Здесь он мог спокойно сидеть и размышлять об удобрениях, новых методах рыболовства и других полезных вещах на благо страны.

Через некоторое время после того, как соренскривер занял место, ступеньки тяжело закрипели и на галерею поднялся его кузен, Самуэль Миккельсен, лёгман Островов. Несмотря на свою дородность и неповоротливость, он тоже предпочитал сидеть на галерее. Не из-за изощренной неприязни к другим, а из чистой скромности. Он двигался осторожно, ни одна его шутка не была лишена изящества, а если ему случалось во время богослужения пропустить рюмочку, то он делал это с большой деликатностью – не тайком, как шалопай или мальчишка, но с непоколебимым достоинством. В присутствии этого здоровяка Йохан Хендрик чувствовал прилив сил, однако фогт Харме считал, возможно небезосновательно, что фарерцы – чиновники Его Величества просто не понимают своего положения в обществе, раз уж прячутся среди шептунов и ворчунов на шести бесплатных скамьях галереи.

Комендант, лейтенант Отто Йорринг, вел себя иначе. Он не скромничал, а вступал в церковь в красном камзоле, при шпаге, лихо закрученных усах, в парике с косичкой и всем, что полагается военному. Но он явно ошибся и забрел на сиденья для бедняков. Мормыш был одновременно польщен и обеспокоен, он бросал исподтишка испуганные взгляды на такое ошеломительное соседство с его роскошью красок и интенсивными испарениями.

Так они все собрались, все прихожане, и высокого, и низкого сословия. Габриэль – в воскресном наряде, благочести-

вый, совершенно неузнаваемый. Служащие Торговой Монополии и констебли со Скансина, зажиточный фермер с Домового хутора со своей челядью, и фермер из Пролива, проделавший долгий путь пешком. Паства продиралась сквозь текст первого обширного псалма. Органа не было. Промерзшие дрожащие голоса едва попадали в такт друг другу. Кто-то пел хорошо и искусно, например, Сьюр Арентсен, по которому было ясно видно, что он мыслит себя в роли запевалы. Другие не попадали ни в одну ноту, а женщины просто выстанывали что-то из-под своих черных платков. Когда допели до конца последнюю, бесконечную строфу, на которую ни у кого не хватало дыхания, раздались кашель и пыхтение без меры. Подвешенная под крышей модель корабля «Норвежский лев», когда-то ходившего в Ост-Индию, медленно закрутилась на своем шнурке. Ее бушприт начал указывать на юг.

Пастор, до того стоявший лицом к алтарю, повернулся к пастве: «Господь да пребудет с вами!»

Из его рта выходило облачко пара. И сотня таких же облачков у паствы ответила: «И со духом твоим!»

Г-н Венсель выглядел крошечным в своей алой ризе, и казалось, он в любой момент вот-вот запнется за полы своего облачения и упадет. Он окинул прихожан взглядом. Фактор не пришел. Какая жалость. Увы, этот человек – не самый прилежный посетитель церкви. А сегодня это особенно приискорбно. Пастора охватило внезапное разочарование. Ведь

сегодняшняя проповедь касается всех и каждого, но в особенности сильных мира сего, легче всех забывавших церковь и не замечавших ее служителей... А вот фогт пришел. Но в тот самый миг, как г-н Венсель снова повернулся к алтарю, он заметил, что и его собственная супруга отсутствует. Анна Софии до сих пор не пришла!

– Помолимся!

Его начало охватывать смутное беспокойство. Посреди церемонии он вдруг задумался. Затем сделал движение рукой вниз и отслужил всю входную молитву с едва заметной дрожью в голосе. Это не привлекло ничьего внимания. Г-н Венсель часто разговаривал в таком тоне, словно был чем-нибудь обижен. Вся его маленькая рыжеусая фигурка казалась как будто слегка оскорбленной.

Богослужение шло своим чередом. Добрались и до Посланий. Г-н Венсель, до того ощущавший себя по-странному отсутствующим, воодушевился. Он обратился лицом к пастве и зычно возгласил: «Послание на двадцать шестое воскресенье после Троицы, так пишет святой Павел в своем первом Послании к Фессалоникийцам!»

Анны Софии не было.

– «Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас, и почитать их преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою. Умоляем также вас, братия, вразумляйте

бесчинных...»²⁷

Еще долго после окончания Послания перед внутренним слухом г-на Венселя звучал отзвук его собственного голоса. Ни с одним словом, которое он произнес, он не связывал никакого значения. Его сердце было беспокойно, мозг опустошен. Г-н Поуль, сидевший на пасторском месте, также не слушал. Его мысли тоже беспокойно бродили по иным тропам. Да, вряд ли в этой церкви многие прислушивались к словам апостола. Иные были для этого слишком поглощены заботами, другие слишком хотели спать. И так богослужение и шло – словно механизм, заведенный кем-то когда-то. «Норвежский лев» вновь незаметно повернулся и теперь держал курс на юго-запад.

Как только пастор взошел на кафедру и начал говорить, Йохан Хендрик со своей галереи тотчас заметил, что его брата что-то обидело. Что-то такое сквозило в тоне его голоса, и ему это было знакомо – знакомо с тех пор, как они оба были еще мальчишками.

Г-н Венсель начал нерешительно, но затем нащупал путеводную нить, которую сам протянул, и стал бодро следовать ей. Эту проповедь он так прилежно подготовил, и ее в первую очередь должен был бы услышать и фактор, впрочем, в той же степени она касалась и фогта, да, в сущности, всякого прихожанина вплоть до самых низших.

– «Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и

²⁷ 1 Фес. 5:12–14.

предстоятелей ваших в Господе...»

Не каждый год случается двадцать шестое воскресенье после Троицы, и не каждому приходскому священнику во время воскресной службы удастся читать проповедь по посланию, а не по евангелию. Но г-ну Венселю, который был магистром, такое дозволялось, и наконец в такое редкостное воскресенье он обрел возможность высказать то, что давно лежало у него на сердце.

Анны Софии по-прежнему не было.

А ей тоже не помешало бы услышать его слова. Хотя ей это все равно было бы что с гуся вода. Впрочем, наверно, ее отсутствие огорчало его вовсе не поэтому. Он не позволял самому себе задумываться над этим глубже. Но его сердце знало лучше – и бешено колотилось.

Он стал воздавать кесарю кесарево. Королевским чиновникам, и служащим, и всем мирским властям – им всем следует подчиняться и повиноваться! Ибо вся власть от Бога! Но – как обстоит дело со служителями слова Божия? Следует ли почитать их таким же образом? Потому что – в чем их служба? А это объяснил апостол Павел в своем Послании к Ефесянам. «Итак внимайте себе, – пишет он предводителям паствы, – и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею»²⁸.

Он впервые осмотрелся вокруг и возвысил голос:

²⁸ Деян. 20:28.

– Но коль скоро епископы и пасторы дают вам пищу духовную, являются блюстителями душ ваших, оправдывают вас перед Господом, разве не должны они считаться равными – да, по крайней мере равными! – тем, кто дает вам пищу телесную, следит за снабжением страны (вот это надо было бы услышать фактору!), блюдет ваши дела земные и поддерживает меж вами порядок и справедливость?

Пока г-н Венсель говорил, его уверенность крепла:

– Духовное и земное – две разные вещи, но из них духовное не малозначительнее земного. Коль скоро вы подчиняетесь земным законам, блюсти которые вам велит начальство, разве не должны вы также повиноваться вечным заповедям Господним, которые провозглашаю я?

Тут он многозначительно посмотрел на фогта, и фогт Харме кивнул.

– И когда вы платите королю налоги и подати, разве не должны вы также отдавать ваш вечный долг церкви Божьей?

Фогт снова кивнул в знак согласия. Г-н Венсель вознесся еще выше:

– И когда вы исполняете свою службу и поставляете фураж для армии и ее командиров, разве для вас не так же важно служить предводителям вашим перед Господом и уплачивать им десятину?

Его взгляд скользнул по лейтенанту, который в своем роскошном алом наряде похрапывал на скамье. Затем его взор вернулся опять к фогту – да, похоже, эта проповедь вырож-

дается в диалог с фогтом. И фогт вновь милостиво кивнул.

– Ибо пастор, – продолжал г-н Венсель, – *пастор* – это ваше духовное начальство, назначенное Духом Святым, а заодно и его королевским величеством, точно так же, как фогт и лёгман, фактор и соренскривер...

Он послал своему брату взгляд, в самой глубине которого крылся своего рода мягкий упрек. Но потом он быстро перевел взор вновь на фогта и продолжил:

– Э-э-э, точно так же, как они являются вашим мирским начальством, которое вам надлежит почитать и любить. И не дуться на пастора за то, что он говорит вам правду. Даже самые высшие не должны пренебрегать его увещеваниями – если не ради его собственной скромной личности, то хотя бы ради его сана...

Вот эти слова наконец прозвучали. Г-н Венсель сделал паузу, его водянисто-голубые глаза с легкой неуверенностью скользили по всему вокруг, словно он пытался высмотреть, какой эффект произвели его слова. А потом он продолжил:

– Далее апостол обращается к нам сегодня так: «Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных...»

И тут он как будто впал в раздумье. Анна Софие – сейчас он ее увидел! И фактора увидел. Сквозь одно из церковных окон открывался вид на пасторскую усадьбу, и там, в комнате, он углядел и свою жену, и фактора...

Он стоял пошатываясь, ничего не понимал, ничего не ощущал. Он как будто видел сон. Анна Софие с фактором!

Как это было... он сразу не припомнит... об этом же постоянно что-то говорили, он же всегда это знал!

Он собрался продолжить с того места, где остановился, но в сердце у него кольнуло. Оно распухло. Внутри него развернулась обездвиживающая боль. Его сердце медленно сжалось в твердый как сталь узел, который щемил и обжигал в глотке, излучая боль во всю грудь.

Анна Софие!

Он услышал собственный голос, все еще твердящий: «Вразумляйте бесчинных, вразумляйте бесчинных...».

Вся паства видела, как он стоял, покачиваясь, беспомощный, и лицо у него побелело как мел, лишь на каждой щеке алело по пятнышку. Кто-то подумал, что пастор занемог, но никто не понял истинную причину его ужасного состояния. Время тянулось, мирное похрапывание лейтенанта стало беспокойным, он что-то забормотал во сне.

Пастора как будто самого удивила эта огромная тишина. Он обнаружил, что стоит на кафедре – а проповеди не произносит.

А паства сидит в церкви – и проповедь не слушает... В окна падали лучи солнца, он очень четко видел все лица. На самом верху в задних рядах сидел его брат с удивленным выражением. «Норвежский лев» медленно покачивался на своем шнурке без всякого курса. И вся церковь была словно корабль, дрейфующий по волнам морским, полный пассажиров, но без штурмана.

Г-н Венсель встрепнулся. Бесчинные – да, вот именно! Он возвысил свой голос, дрожавший от негодования. И если у него и прежде что-то лежало на сердце, то сейчас тем более. Бесчинные – это сильные мира сего! Он представил себе сытую гладкую физиономию фактора. Подобно вспышке молнии, она осветила для него все. Этой физиономией он раньше восхищался, пестовал ее, как цветок, когда фактор сидел за его столом за порцией хорошего жаркого. А сейчас он увидел, что его собственное счастье пожрали, а самого его затоптали, все с той же само собой разумеющейся довольной миной. Он стал хватать воздух ртом, его душа и разум оборотились против этих самых сильных мира сего, огрызаясь на них, словно собака, которую ни за что пнули. Они вдруг предстали перед ним как извечная орда могущественных и сытых. Фогт – а за ним целая вереница фогтов, презирающих фарерских фермеров. Лейтенант – а за ним целый строй лейтенантов, палкой вбивающих в порядочных мужиков строевую подготовку. Фактор – а за ним целая толпа торговых факторов, которые надували его доверчивых почтенных предков. Разве он не знает, каковы сильные мира сего? Например, царь Давид, похитивший супругу Урии. Ирод, который велел обезглавить Иоанна Крестителя. А за ними всеми – Понтий Пилат, умывший руки. В конечном итоге сильные мира сего всегда умывали свои белые холеные руки. Разве он их не знает? В его жизни они играли роль змеи. Всего несколько минут назад он так стремился стать одним из них.

А сейчас оказался ужален в самое сердце! Дрожа от возмущения, г-н Венсель начал сводить счеты с бесчинными мира сего, но постепенно как будто стал копаться в собственной душе и заметил бревно в собственном глазу, принялся обличать самого себя. Ни одного потаенного уголка в человеческом сердце, ни одной эгоистичной тайной мысли, ни одной земной страсти, ни одному проявлению глупой суетности не дал он укрыться. Он четко дал понять, что человеческий ум стремится только к миру и всему мирскому. Ибо все люди рождаются скверными и грешными и сами не имеют понятия, *насколько* они грешны. Никто не может стать справедливым ценой собственных усилий или заслуг, всем не хватает набожности. Стоит человеку совершить добрый поступок – как за ним уже следует самодовольство, этот великий льстец, и подает ему руку, превращая тем самым доброе в дурное. Нет ни одного доброго деяния или слова, за которым не стоял бы мир, словно нечистая задняя мысль. Столь безгранична *неспособность* человека к истинной добродетельности. В сущности своей *всё* – страсть, фальшь, самооправдание, себялюбие, глупость, тщета, суета! Да, суета!

– Гм, – заметил соренскривер лёгману, – стало быть, вот он сегодня куда свернул! Ну, значит, что-то все-таки пошло не по его.

А паства внизу под галереей с удивлением и испугом внимала речам г-на Венселя и думала, что, несмотря ни на что, он все же великий проповедник и обличитель. Ведь сейчас

он как будто показал всем и каждому их отражение в зеркале и глубоко заглянул в их сердца. Они не задумались о том, что на самом деле он заглянул лишь в собственное сердце.

И новый воварский пастор, г-н Поуль, как и многие другие, был вынужден склонить голову: он ощутил, что и сам шествует той же стезей тщеты и суеты, и не бывает радостен, если на сердце его не изливается лесть, и ничто не раздувает его честолюбия, не разжигает страсти. Один лишь этот мир, суета мирская, играет у него перед глазами, а сам он лишен способности поднять взор выше.

А г-н Венсель, заметивший, что паства на его стороне, стал все больше и больше углубляться в подполья и катакомбы человеческого сердца, и когда уже дошел до предела и совершенно обнажил полнейшую неспособность человека к добродетели и недостойность узреть Бога – как вдруг позволил случиться чуду. А чудо это – благодать Иисуса Христа, который забрал все грехи наши! Да, лишь благодать и только она позволяет человеку подняться, отринуть бремя мира сего, презрев его как хлам, которым он, в сущности, и является, и от чистого сердца обратить все помыслы свои к небесам.

– *Аминь!* – заключил он звучным голосом и, прежде чем начать молитву, спешно проскользил бледным взглядом по всей церкви, однако не подводя его слишком близко ни к одному окну. Это был час благодати для торсхавнской паствы.

Когда настал черед псалма, г-н Венсель сказал, что они бу-

дуг петь не то, что предписывается в псалмовнике – будучи магистром, он мог позволять себе отступления, – а другой, хорошо известный всем по «Духовному хору» или по книге «Тысячник», под названием «Уставший от мира, взыскующий неба»²⁹. Большинство собравшихся знало его буквально наизусть. Сьюр Арентсен искусно повел напев при громогласной поддержке самого г-на Венселя:

Прощай, о земля!
Служив тебе долго, измучился я.
И бремя, что мне этот мир навязал,
Теперь я отброшу, теперь я устал.
Я рву свои узы, здесь все маета,
И все суета,
И все суета³⁰.

Псалом захватил всех, вся паства, набрав в грудь воздуха, тянула следующую строфу:

Что, в сущности, мир
Поставил пред нами как цель и кумир?

Мормыш покосился на коменданта, который по-прежнему

²⁹ Псалом Томаса Кинго (*дат.* название «Ked af verden, men kær af himlen»), широко распространенный на Фарерских островах.

³⁰ Псалом приводится в переводе И. Бочкаревой. (Впервые опубликован в томе «Библиотеки всемирной литературы» «Европейские поэты XVII века», М., 1977).

му похрапывал с поразительно невоенным выражением лица.

Не больше, чем тень и сверканье стекла,
Чем тонкая наледь над глубьями зла,
Чем мыльный пузырь, а внутри – пустота,
И все суета,
И все суета.

Да, именно так! У Самуэля Миккельсена побаливала голова после вчерашних тихих возлияний. Он предавался им уже пятый вечер кряду, и ему начали надоедать все эти чары да сосуды, стоящие в полуночный час на пиршественном столе. О да, не бывает земной радости без горького привкуса!

Что годы и дни?
Хитро, незаметно проходят они,
Хитро, незаметно за ними уйдут
И радость, и плач, и заботы, и труд,
Роскошество мыслей, ума острота,
И все суета,
И все суета.

Молодежь этому не верила. Но все лица, на которых уже проступили морщины, при этих словах приняли задумчивое выражение. От фогта Харме с его ответственной должностью до Самуэля с Подъемника с его восьмерыми детьми. Первому приходилось признать, что сорок лет его службы – все

равно что следы на песке, а второй не ожидал иного конца земной жизни крючника, кроме трех лопат земли на могилу. А соренскривер, который вечно во всем сомневался и всем перечил, с горечью подумал, что хоть немного полезной деятельности на земле дарит больше радости, чем десять восторженных кличей на Небесах. Он читал модные современные книги и истово верил, что в трудолюбии и любви к родине блаженства больше, нежели в пальмовых ветвях.

О смертных фетиш,
Телец золотой, ты в подлунной царишь,
Но непостоянство – натура твоя,
На непостоянство прельстилась земля,
В тебе воплощается жизни тщета,
Сама суета,
Сама суета.

Для многих, лишившихся имущества, это звучало утешением. Но Габриэль был не в силах сдержать свои мысли и с этого момента глубоко задумался над вопросом, не вложить ли ему различные суммы, за последнее время перекочевавшие из чужих карманов в его собственный, в участок земли в четыре гюллена³¹, который продавался в долине Микладаль.

Ах, власть и почет!

³¹ Гюллен (*дат.* gylden, *фар.* gyllin) – 1/16 часть старинной меры земли – марки.

Сиянье короны, жужжанье забот.
А зависть у власти сидит за спиной,
Посеет тревогу, развеет покой,
И радость не в радость, а лишь тягота,
И все суета,
И все суета.

Кто может похвалиться тем, что свободен от этого? У кого в груди не шевелится червячок честолюбия – большой или малый? От кресел почтенной публики, за которые она вносила плату, до скамеек для бедноты – здесь не было ни одной души, которая тайком не косилась бы на соперника или на победителя. Зависть была в крови у всех. А у кого не было гордыни, у кого не было затаенных обид?

В душе г-на Венселя скорбь и странное успокоение текли вместе, образуя большие водовороты. Это пение приносило ему утешение. Вот оно как! Томас Кинго чувствовал и переживал все так же, как и он сам.

Ах, милость владык!
Неверный, стоглазый, слепой временщик!
Ведь ты помогаешь пустым пузырям
Раздуться, взметнуться, взлететь к небесам.
Но с солнцем в сравненье твоя щедрота —
Одна суета,
Одна суета.

Да что же сегодня творится с г-ном Венселем! – снова по-

думал соренскривер. Наверно, этого сублильного человечка что-то каким-то образом обидело, уязвило в самую его пас-торскую душу. Может, фогту стало неохота слушать его проповедь? Ведь ясно же: что-то стряслось, и теперь г-н Венсель, помогай ему Господь, погрязает в земных страстях, но лик его обращен к свету благодати Божией, – ну конечно, тьфу! Этот псалом – просто какое-то недоразумение, что-то вроде хмельного напитка, которым порядочные люди заливают горе, стоит им на чем-нибудь обжечься в жизни. Стоит только проиграть в карты три марки, как уже все – «прощай, о земля!». Да уж, конечно, это помогает замечательно.

Но когда дело дошло до следующей строфы, для г-на Венселя как будто что-то на миг оборвалось, он позабыл о благодати и запел, выпуская свою боль:

Ах, дружба, друзья!
По опыту знаю – вам верить нельзя.
Вы горечь умножите в чаше обид,
Вы – флюгер, вас только удача манит,
Обманчива ваших словес теплота,
И все суета,
И все суета.

И он продолжил, пылая праведным гневом и рвением:

Ах, плотских услад
Горячая топка, искристый каскад!

Потянется смертный за этим теплом,
Да в вечном огне будет греться потом!..

Невидимый ореол вокруг головы Барбары начал пламенеть. Ведь именно к ней в этот миг направило свои помыслы большинство присутствующих – с завистью, со страстью, с осуждением. Габриэль до боли вожделел ее, и даже соренскривер на галерее разглядывал ее. А сама она сидела беспечно, как пташка на изгороди, не подозревая, что вокруг нее бурлит адское пламя. Новый воварский пастор г-н Поуль Аггерсё испытывал к ней любовь, смешанную с ужасом.

... Пригубишь твой мед – не отмоешь уста:
Одна суета,
Одна суета.

Армгард казалась в своей черной одежде такой старой и такой маленькой. Она кивала головой в знак согласия. С ее точки зрения, в этом псалме не хватало только строфы о водке. Ибо сие есть дьявольское зелье, многих приведшее к гибели. А ее сестра, Эллен Катрине, весело смотрела перед собой, отдавшись во власть воспоминаний: «Ах, этот мир!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.